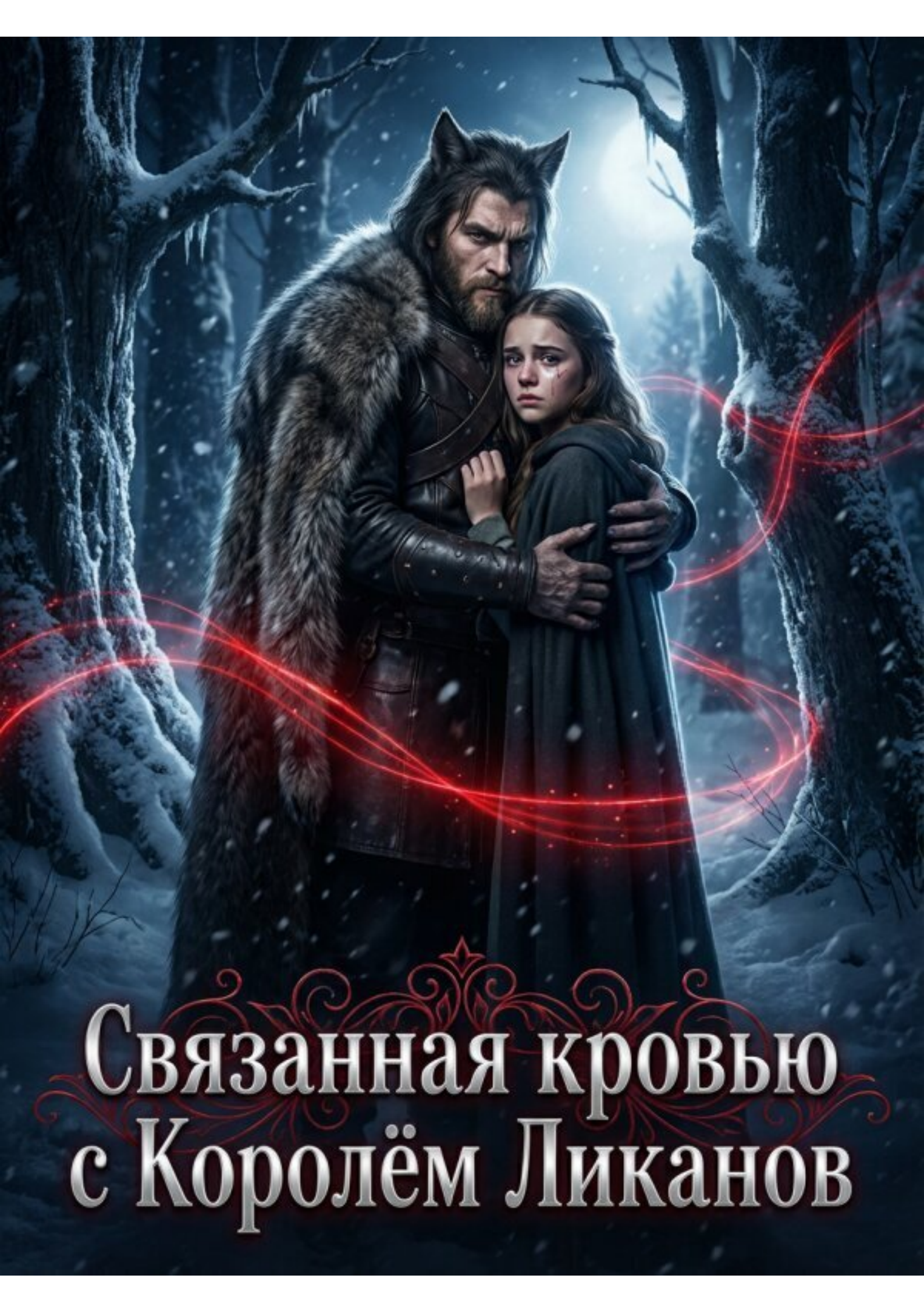

Связанная кровью
с Королём Ликанов

Связанная кровью с Королём Ликанов

Lenaleia

**Связанная кровью с
Королём Ликанов. Книга 2**

«China Literature»

Lenaleia

Связанная кровью с Королём Ликанов. Книга 2 / Lenaleia —
«China Literature», — (Связанная кровью с Королём Ликанов)

Содержание

51 Глава 51	5
52 Глава 52	8
53 Глава 53	12
54 Глава 54	14
55 Глава 55	17
56 Глава 56	21
57 Глава 57	24
58 Глава 58	27
59 Глава 59	30
60 Глава 60	33
61 Глава 61	36
62 Глава 62	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Связанная кровью с Королём Ликанов

51 Глава 51

Ашер не обращает внимания на слова Эхо, не сводя с моего лица своих грозовых глаз. От его пристального взгляда я чувствую себя совершенно незащищённой, словно он сдирает с меня слои, о существовании которых я и не подозревала.

А потом ещё и моё тело.

Это глупое тело хочет обвиться вокруг него, чтобы его запах впитался в мою кожу так глубоко, что его уже никогда не отмыть. Хочет лизнуть его шею и узнать, какой он на вкус. Прижаться губами...

Чёрт возьми, мой разум идёт вразнос.

Дурацкое тело. Дурацкий запах, как из рекламы одеколона. Дурацкий сексуальный обаяние.

– Пойдём, босс, – Волчий Глаз хлопает его по плечу. – Дадим дамам выспаться.

Внезапно мне очень начинает нравиться бета Ашера. Какой разумный, заботливый мужчина.

Эван так и лежит на земле в неловкой позе. За всё это время он не шелохнулся ни единым мускулом, и, похоже, никому и в голову не пришло помочь ему подняться. Справедливости ради, мне тоже. Того, что он жив, вполне достаточно. Я не собираюсь с ним дружить и заботиться о его счастье или о чём-то в этом роде. Я просто не хотела, чтобы его смерть была на моей совести.

Пятясь, я поднимаюсь на первую ступеньку, ведущую в дом на колёсах Эхо. Глаза Ашера следят за каждым моим движением, его тело напрягается, словно он готов сорваться с места, и я шурю.

Я взбираюсь на вторую ступеньку, всё ещё пятясь. Он не сдвинулся с места, но его кулаки сжались.

– Повернись, – грубо бросает он, снова хмурясь. – Упадёшь.

Хм-м. Сказать ему, что я пячусь, потому что хочу убедиться, что он не идёт за мной, – наверное, не лучшая идея. Нахмурившись, я повинуюсь, но останавливаюсь, чтобы осторожно выглянуть из-за плеча. Он не двинулся с места и всё так же свирепо смотрит на меня, словно я делаю что-то не то.

Третья ступенька – и я на пороге. Когда я оглядываюсь в последний, клянусь, раз, Ашер стоит, словно статуя, – высокий и неподвижный во тьме.

Холодный узел скручивает живот, когда я переступаю порог. Такое чувство, будто я повернулась спиной к тому, кто хочет меня съесть.

Внутри дома на колёсах теплее и не так сыро, как на улице. И немного безопаснее. Но иллюзия рушится, когда что-то большое проскальзывает мимо моих ног. Я взвизгиваю и резко оборачиваюсь. Фенрис уже всю устроивается на крошечном пятнышке пола перед холодильником.

– Прощу прощения? – выдавливаю я, ошарашенная его наглостью. – Я тебя не приглашала.

Эхо заходит последней и, нахмурившись, смотрит на волка. – Я тоже.

Огромный волк моргает, глядя на меня почти насмешливым взглядом серых глаз, а затем нарочито опускает голову на лапы.

– О нет, ты не можешь здесь остаться. – Я указываю на дверь. – Вон. Сейчас же.

Фенрис и ухом не ведёт.

– Он размером с мини-пони, – замечает Эхо с порога, оглядывая сцену своими щелевидными глазами. – И куда, по-твоему, мы его денем?

Я сверлю волка взглядом. – На улицу, к своему хозяину. Давай. Брысь.

Фенрис фыркает и закрывает глаза.

– Не думаю, что он куда-то уйдёт, – Эхо заходит внутрь, закрывая и запирая за собой дверь. Прежде чем она захлопывается, я успеваю мельком увидеть напряжённую фигуру Ашера, который всё ещё следит за домом на колёсах, как ястреб.

– Замечательно. Шпиона нам как раз и не хватало. – Я тру виски, где начинается пульсировать головная боль. – Ты же понимаешь, что он всё доложит Ашеру, верно?

Эхо пожимает плечами, перешагивая через огромное тело Фенриса, чтобы подойти к раковине. – Может быть. А может, у него свои планы. – Она наполняет стакан водой и протягивает его мне. – Пей. А то, похоже, сейчас в обморок упадёшь.

Я и не осознавала, как у меня пересохло во рту, пока прохладная жидкость не коснулась моих губ. Я осушаю стакан залпом, жадно глотая воду, будто только что пробежала марафон по пустыне. В любом случае, эмоциональное напряжение последних полчаса ощущалось примерно так же.

– Ты такая спокойная, – бормочу я, когда Эхо забирает у меня пустой стакан. – Для тебя это нормально, когда оборотни заваливаются к тебе на ночлег?

– В моей жизни вообще мало что можно назвать нормальным, но у меня бывали гости и постранные. – Она снова наполняет мой стакан и протягивает мне, но у меня в животе уже хлюпает, поэтому я качаю головой. Вместо этого она выливает воду в миску и ставит её на пол рядом с головой Фенриса.

Фенрис приоткрывает один глаз, его ухо дёргается сначала в одну сторону, потом в другую.

– Только посмей наябедничать. Если сделаешь это – вылетишь отсюда. Я вытащу тебя за хвост. Понял?

Этот самый хвост стучит по полу.

– Ты устно согласился на наш договор, – предупреждаю я его. – Если нарушишь...

Ещё один удар хвостом.

– Я тебе не помощница, – объявляет Эхо, сбивая с меня весь пыл. – Не думаю, что даже я смогу вытолкать этого зверя за дверь, если он сам не захочет уйти.

Она права. Фенрис, должно быть, весит не меньше ста тридцати килограммов. Если он решит остаться, у нас не так много вариантов.

Тьфу.

– Ладно. Но в моей кровати ты спать не будешь. Оставайся на полу. Я не хочу, чтобы вся моя постель была в шерсти.

Фенрис внезапно поднимает голову и скулит, прижимая уши.

– Никаких споров. Даже не думай забираться на кровать.

Эхо прислоняется к раковине и скрещивает руки на груди, без всякого выражения глядя на Фенриса. – Ты же знаешь, что он просто проберётся на кровать, как только ты уснёшь.

Тыча пальцем в волка, я предупреждаю: – Только посмей. Я серьёзно. Если я проснусь, а ты в кровати, – ты вылетишь. Не просто с кровати, а из этого дома на колёсах. Навсегда.

Фенрис моргает, глядя на меня с той невероятной невинностью, на какую способны только животные. Он снова опускает свою огромную голову на лапы, но подрагивающее ухо говорит мне, что он слышал каждое слово.

– Я узнаю, – говорю я ему, сужая глаза. – Я всегда знаю, когда мне лгут.

Это наглая ложь. Я ужасно плохо распознаю, когда мне врут. В конце концов, я годами верила Ксандеру. Верила Альфе, когда он говорил, что любит меня как родную дочь. Верила стае, когда они говорили, что приняли меня.

Фенрис фыркает, и от его дыхания с пола поднимается пыль.

Три резких стука в дверь разрывают тишину, и я так громко стону, что это почти срывается на крик. Я прячу лицо в ладонях. – Неужели они не могут просто оставить нас в покое?

– Очевидно, нет, – сухо произносит Эхо, подходя к двери. Она распахивает её с ненужной силой, и петли протестующе скрипят. – Что ещё?

На верхней ступеньке стоит Волчий Глаз, его высокая фигура заполняет собой весь дверной проём. Его взгляд скользит мимо Эхо и впирается в меня. – Простите, что снова беспокою вас, дамы, но у меня всего один вопрос.

– И? – подталкивает его Эхо, когда он медлит.

Он прокашливается, переминаясь с ноги на ногу. – Мне нужен ответ. Честно говоря, вы окажете мне огромную услугу, если вообще ответите.

– Услугу? – в замешательстве вторю я.

– Да, – твёрдо говорит он. – Окажете благодеяние, позволив мне спать спокойно этой ночью, если хотите.

Эхо вздыхает. – Хватит давить на жалость, задавай свой вопрос. Некоторым из нас тоже хотелось бы спокойно поспать.

Плечи Волчьего Глаза опускаются, и по его лицу расползается смущённая ухмылка, пока он продолжает смотреть на меня. – Почему вы так обрадовались, когда увидели, что Эван всё ещё жив?

Я стенаю.

52 Глава 52

Эхо была права.

Фенрис прячется под столиком, пока я счищаю пылесосом чёрную шерсть с покрывала на кушетке. Я пыталась выгнать его, когда проснулась от пушистой, безвольной туши на своих ногах, но он оказался слишком тяжёлым, чтобы выволочь его за дверь.

Пылесос ревёт, пока я набрасываюсь на очередной клочок чёрной шерсти. Каждое движение щёткой ощущается как крошечный бунт против волка, против Ашера, против всей этой нелепой ситуации. Раз уж я не могу контролировать ничего другого в своей жизни, то по крайней мере могу уничтожить это доказательство присутствия незваного гостя.

Сзади раздаётся жалобный скулёр, а за ним – ритмичное «стук-стук-стук» хвоста по полу дома на колесах. Я отказываюсь оборачиваться. Фенрис сейчас, может, и похож на щенка-переростка, но это не так. Он – взрослый волк, и он прекрасно знает, в чём провинился.

Я выключаю пылесос резче, чем нужно. Внезапная тишина кажется обвиняющей.

– Тебе стоит одеться. – Эхо не отрывается от телефона, лишь попивает кофе, а её радужные волосы ловят утренний свет из окон. – Они скоро будут здесь.

У меня всё внутри ухнуло, и я простонала: – Это обязательно?

В голове проносятся вчерашние сны – обрывки кошмаров, в которых я была заперта в каменной башне, а мои светлые волосы отросли, став длинными, как у Рапунцель, и я смотрела на мир через крошечное окошко. Но хуже них были другие сны – те, где руки Ашера не тащили меня прочь, а притягивали к себе, а его губы произносили не угрозы, а...

Жар подступает к шее.

– Если только ты не хочешь встречать Короля Ликанов в пижаме. – Голос Эхо звучит совершенно безразлично. – Что, честно говоря, может оказаться сильным ходом.

Не понимаю, как пижама может быть демонстрацией силы, но я хватаю одну из старых футболок Эхо с какой-то группой и эластичные шорты и иду с ними в ванную. Пять минут спустя я возвращаюсь, уже сомневаясь насчёт шорт. Но мои джинсы грязные, а джинсы Эхо мне не по размеру.

– Разве мы не должны были... – я осекаюсь и хмурюсь, глядя на Фенриса. – Ну, знаешь, уехать?

Эхо наконец поднимает на меня взгляд, её щелевидные глаза непроницаемы. – На данном этапе это была бы просто пустая трата денег.

– Что?

– Бензин. Еда. Ночлег. – Она загибает пальцы, перечисляя. – Всё это дорого. И ради чего? Он так просто тебя не отпустит.

ТЬФУ.

Я не понимаю, почему Ашер вообще за мной охотится, но после прошлой ночи совершенно ясно, что в ближайшее время он никуда не денется.

Может, он думает, что я пытаюсь захватить власть в Стае Голубой Горы или что-то в этом роде. Осквернить её детьми-полукровками, полулюдьми-полуоборотнями? Он, похоже, одержим идеей постоянно упоминать мои отношения с Ксандером, а теперь ещё и из-за Эвана беспокоится.

– В этом есть смысл, – бормочу я.

– В чём именно?

– А. Кажется, я поняла, почему Ашер за мной охотится. Оборотни ведь пуристы, знаешь ли. Им не нравится, когда люди смешиваются с их стаей. Даже до того, как всё пошло наперекосяк, мне приходилось довольно туго.

Положив телефон на колени, Эхо уделяет мне всё своё внимание, её брови сходятся на переносице. Она выглядит скорее обеспокоенной, чем заинтересованной. Может, она за меня волнуется. – Ладно. Выкладывай свою теорию.

Плюхнувшись на кушетку, я тереблю кончики волос и замечаю, что некоторые пряди светлее других. – Я думаю, Ашер боится, что я попытаюсь... не знаю, снова соблазнить Ксандера или что-то в этом роде? Использовать наше прошлое, чтобы повлиять на него? Или, может, он беспокоится, что я испорчу его родословную.

Наверное, для Эхо, которая знает мою предысторию лишь урывками, в этом мало смысла. – Ксандер – новый альфа стаи, – услужливо добавляю я, когда она уставляется на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

Она медленно кивает. – Ясно...

– В общем. Оборотни одержимы чистотой крови, верно? Так что логично, что он подозрительно относится к моим намерениям.

Выражение лица Эхо не меняется, но что-то в её неподвижности заставляет меня чувствовать себя так, словно меня препарируют. – И это тот вывод, к которому ты пришла?

– Ну, это всего лишь рабочая теория.

– Но с чего ему думать, что ты пытаешься захватить стаю, от которой ты сама же и бегаешь?

Я открываю рот, закрываю его и откидываюсь на подушку. Она права. Это бессмыслица, что возвращает меня к самому началу. Почему меня преследует Король Ликанов?

Фенрис фыркает.

– Тихо, – рассеянно говорю я ему, проводя пальцами по волосам с такой силой, что кожу головы начинает щипать. – Тогда я просто не понимаю. Почему он здесь?

– У тебя в школе были хорошие оценки?

Этот неожиданный вопрос застаёт меня врасплох. – Что?

Лицо Эхо остаётся бесстрастным. – В школе. Ты была хорошей ученицей?

– Ну... училась нормально, наверное?

– А. Тогда это просто умышленное невежество.

Прежде чем я успеваю спросить, что она имеет в виду, в дверь раздаются три резких стука. Фенрис кладёт голову на лапы, не впечатлённый прибытием своего хозяина.

Эхо скатывается с дивана и вскакивает на ноги, не пролив ни капли кофе. – Завтрак прибыл, – объявляет она, неспешно направляясь к двери.

Через несколько минут Ашер и Волчий Глаз стоят на кухне, заполняя собой всё пространство. Их громадные фигуры загораживают почти весь утренний свет, а Эхо, кажется, совсем не впечатлена – она просто включает на кухне свет, чтобы посмотреть, что они принесли.

На них всё та же одежда, что и прошлой ночью, и – через дверь с москитной сеткой, которую Эхо оставила открытой – я вижу, как Эван убирает свой лагерь. Палатка всё ещё стоит, и с ним там есть кто-то ещё. Прошлой ночью я его не видела.

– Вы никак не могли все вместе поместиться в этой палатке, – говорит Эхо, выхватывая из рук Волчьего Глаза контейнер с беконом.

– Ты права, – говорит Волчий Глаз, балансируя стопкой белых коробок. – Эван и Джаспер спали в машине.

Джаспер? Я не знаю такого имени, но, должно быть, это тот второй, что на улице. Интересно, они уже позавтракали? Немного странно не позвать их к еде.

Волчий Глаз ставит всё на столешницу, поочерёдно открывая каждый контейнер. Белые тосты, как и просили. Яйца – и глазунья, и болтунья. Французские тосты, посыпанные сахарной пудрой и корицей.

При виде этого мой желудок урчит, но я подожду, прежде чем взять тарелку. С двумя Ликанами и Эхо на кухне слишком тесно.

Увидев французские тосты, Эхо отшатывается. – Какая гадость.

Волчий Глаз ахает и хватается за сердце, словно её слова смертельно его ранили. – Мадемуазель. Французские тосты – лучший завтрак на свете.

– Это размокший хлеб, – парирует Эхо, накладывая себе на тарелку яичницу. – Хлеб, который вымочили в яйцах и молоке, пока он не превратился в жалкое, убогое подобие самого себя. Это хлеб, который сдался.

– Это хлеб, который был возведён в высшую форму существования. – Волчий Глаз указывает на неё пластиковой вилкой. – То, как этот крем пропитывает каждый...

– Крем? – Эхо издаёт звук, будто её тошнит. – Просто назови это как есть. Яичные сопли. Волчий Глаз хмурится. – Ты вообще человек?

– Не-а, – невозмутимо отвечает Эхо. – А ты?

– Э-э... нет.

Я стараюсь не улыбаться, но в их лёгкой перепалке есть что-то милое. Словно они знают друг друга дольше, чем десять часов, восемь из которых они проспали.

Затем мои плечи напрягаются, когда я понимаю, что уже принимаю эту ситуацию как должное, будто это наша новая норма. Как же страшно.

Пока они продолжают свой спор на тему «французские тосты против блинчиков» (очевидно, это тот вопрос, в котором Волчий Глаз готов стоять до последнего), Ашер выдвигает стул напротив меня. Он, не моргая, смотрит на меня, но я стараюсь игнорировать его присутствие.

Он садится с небрежной уверенностью человека, которому принадлежит любое место, куда бы он ни вошёл. Стол между нами кажется одновременно слишком маленьким и невероятно широким, и крошечная, предательская часть меня расстроена, что он сидит напротив, а не рядом со мной.

Нет. Забыть эту мысль. Стереть её из памяти.

Надо взять тарелку и присоединиться к остальным на кухне. Может, еда заставит мой мозг работать как надо и не лезть мыслями к Ашеру в штаны.

Боковым зрением я вижу, как он лезет рукой в куртку. Мои мышцы инстинктивно напрягаются. Что он достает? Оружие? Контракт, который я должна подписать кровью? Что бы это ни было, я уверена, что это будет...

Он кладёт на стол между нами маленький бумажный пакет и пододвигает его ко мне.

– Это тебе, – говорит он совершенно без интонации. Серьёзно, от этого мужчины тепла и гостеприимства, как от Арктики.

И всё же моё сердце предательски трепещет в груди. Бумажный пакет простой и невзрачный, но он всё-таки что-то мне купил.

С другой стороны, внутри может быть бомба. Маловероятно, но мы ведь говорим о массовом убийце. Никогда не угадаешь, что у таких на уме.

Я осторожно тянусь к нему, в глубине души ожидая взрыва. Но пакет как обычно шуршит в моей руке, и, открыв его, я просто в замешательстве уставляюсь на содержимое.

Внутри лежит один-единственный черничный маффин. На вид не из пекарни – скорее всего, с заправки или из круглосуточного магазина. Его верхушка усыпана кристалликами сахара, а под золотисто-коричневой корочкой виднеются несколько грустных ягодок черники.

– Спасибо? – мой голос звучит вопросительно. Теперь я держу маффин в руке, и обёртка шуршит между пальцами.

– Я подумал, что тебе понравится.

Мои мысли тут же возвращаются к нашему разговору в Стае Голубой Горы после смерти Альфы. Когда Ашер расспрашивал меня о моих отношениях с Ксандером и принёс мне завтрак. Когда он сказал...

– Ты же ненавидишь черничные маффины, – выпаливаю я.

Его стальные серые глаза не отрываюся от моих. – Я пересматриваю своё мнение.
Он купил это специально для меня. Не потому, что они ему нравятся, а потому что...
Ах. Он, наверное, пытается задобрить меня, прежде чем тащить обратно.
Теперь всё понятно.

53 Глава 53

Ашер

Запах девушки Эхо странный, но я не могу его разгадать. Волчьему Глазу, этому идиоту, похоже, все равно; впрочем, он всегда был равнодушен к женщинам. Слишком дружелюбный, слишком сговорчивый. Гораздо общительнее, чем обычный Ликан.

Я сверлю взглядом дом на колесах Эхо, впиваясь пальцами в дешевые пластиковые подлокотники складного стула Эвана. Что-то в этой женщине действует мне на нервы. Радужно-волосая загадка выставила нас вон, как только завтрак закончился – для них. Она и глазом не моргнула, глядя на наши наполовину полные тарелки и все еще дымящиеся кружки с кофе.

Кто так поступает с Королем Ликанов? И что еще важнее, кто осмелится так поступить с любым Ликаном, даже не вздрогнув? Это странно.

Фенрис поднимает голову; последние десять минут он хандрил, с тех пор как его вышвырнули вместе с нами. Он не хотел уходить, но Виолетта смотрела на меня своими прелестными травянисто-зелеными глазами, пока я не поднял его и не унес с собой.

Мой волк мной недоволен.

От нее неправильно пахнет, – бормочет он, очевидно, готовый к разговору, когда речь заходит об общем враге.

«Знаю».

Нет, ты не понимаешь. Я не могу его определить. Ее запах... ускользающий.

Волосы у меня на затылке встают дыбом. За более чем два столетия я ни разу не видел, чтобы Фенрис не мог классифицировать запах, но в его словах есть смысл. Я тоже это заметил. Дело не просто в том, что мы не знаем, чем она пахнет, – как будто что-то намеренно не позволяет нам этого сделать.

«Она что-то скрывает», – говорю я, высматривая движение в окнах дома на колесах. Ни намек на тени. Что делает Виолетта? Моет посуду? Может, свернулась калачиком в постели и болтает в воздухе бледными ногами, читая книгу. «Никто не принимает незнакомца из доброты. Не в этом мире».

Она и меня выгнала. После того как я так старался составить Виолетте компанию всю ночь.

Я поднимаю бровь. «Что, с ночлегом не заладилось?»

Виолетта не любит делиться кроватью. Заставила меня спать на полу.

Мое сознание наводит образ Виолетты в постели: ее теперь уже золотистые волосы разметались по подушке, простыни обвилились вокруг ног, а на губах – упрямая обиженная гримаска, пока она забирает себе весь матрас. «Я просто заставлю ее полюбить это».

Уши Фенриса наостряются, его массивная голова поворачивается ко мне. Это что сейчас было? Ты наконец-то принимаешь то, о чем я тебе твержу?

Осознание сказанного бьет меня, как обухом по голове. Я со стоном провожу рукой по лицу. «Нет. Перестань вкладывать мне в голову всякие идеи. Я пытаюсь разобраться с кое-чем важным».

Прозвучало так, будто ты думал о том, чтобы разделить постель с Виолеттой.

«Я не доверяю Эхо, – рычу я, возвращая разговор в прежнее русло. – Она слишком вольготно командует Ликанами. Сегодня утром я даже позволил проскользнуть толике своего доминирования, а она даже не дрогнула». Конечно, я выпустил лишь крохотную частицу. Не хотел расстраивать Виолетту. Ее и так, похоже, беспокоит мое присутствие.

Она нас не боится.

«Именно». Я наклоняюсь вперед, упираясь локтями в колени. «И что ей нужно от Виолетты? От девчонки-человека без какой-либо очевидной ценности? Ни денег, ни связей...»

Кроме тебя.

«...и никаких...» Мое сознание цепляется за реплику Фенриса. «Что ты имеешь в виду?»

Возможно, Эхо знает что-то, чего не знаем мы. О Виолетте. О тебе. О нас.

По моей спине пробегает холодок. Я рассматривал очевидные варианты: выкуп и простая торговля людьми. Но может ли такое быть? Неужели Виолетта чем-то отличается?..

Конечно, она отличается. Она – наша пара.

Я скалюсь на Фенриса, хотя и нехотя. Я взвинчен и выбит из колеи, и виню в этом то, что не могу к ней прикоснуться. Виолетта избегала любого физического контакта, будто я какой-то жук. А Эхо, казалось, намеренно вставала между нами. От досады у меня начинает раскалываться голова.

Сзади приближаются шаги, и я улавливаю запах Волчьего Глаза, смешанный с запахом незнакомого мужчины-человека. Пот, дешевый стиральный порошок и кислая вонь страха. Да. Вот нормальная реакция на наше присутствие. Но зачем Волчий Глаз привел его сюда? Разве он не должен был посмотреть, что из снаряжения есть в местном магазине? У нас не хватает спальных мешков на нас четверых, а ходить к фонтанчику с водой каждый раз, когда хочется пить, уже надоело.

Поехать в магазин, где все это есть, – очевидное решение, но я не хотел оставлять Виолетту.

«Эм, простите, джентльмены, – говорит мужчина. На нем грязная белая футболка, а на шее повязан носовой платок. На груди красуется логотип кемпинга. – Мне очень жаль, но нельзя ставить палатку на месте для дома на колесах».

Я склоняю голову и пристально смотрю на него, позволяя неловкой тишине затянуться. Он ежится под тяжестью моего внимания. «Тогда вам придется сделать исключение».

Пульс мужчины колотится у него на шее. Я слышу его даже отсюда. Его кадык дергается, когда он с трудом сглатывает. «Сэр, я не могу... у нас есть правила. Нельзя разбивать палаточный лагерь на месте для дома на колесах. У нас есть другие площадки для...»

«Я сказал, – медленно повторяю я, – вам придется сделать исключение».

Волчий Глаз делает шаг вперед, физически заслоняя от моего взгляда дрожащего человека. «Все в порядке, Крейг. Я ведь могу называть тебя Крейг, верно?»

«Вообще-то, меня зовут Майк...»

«Не парься, Крейг. Мы соберемся и уйдем. Без проблем. Верно, Ашер?»

Крейг заламывает руки. «Я очень ценю это. Если вам нужно место для палатки, я могу вас направить...»

«Нам и здесь хорошо», – вставляю я.

Волчий Глаз бросает на меня через плечо предостерегающий взгляд, и я хмурюсь. Почему он пасует перед каким-то жалким человеком? Эван и Джаспер даже столпились вокруг, чтобы понаблюдать за этой жалкой сценой.

Только представь: появляется местная волчья стая и видит, как Король Ликанов подчиняется какому-то произвольному человеческому правилу.

Мое лицо превращается в тяжелую, бесстрастную маску. Авторитет моего трона не может быть подорван. Мне придется...

«Прошу прощения, – заикается мужчина, находя в себе остатки мужества. Вероятно, потому что Волчий Глаз заслоняет большую часть меня. «Если вы не переместитесь, это будет незаконное проникновение. Мне придется вызвать полицию».

Я рычу, и он вздрагивает.

54 Глава 54

Ашер

– Этого не потребуется, – с успокаивающей улыбкой заверяет Волчий Глаз человека. – Дайте нам час.

Плечи Крейга расслабляются. Конечно, он ведь противостоял нам без немедленных последствий. Должно быть, он очень доволен собой. Чувствует себя сильным. Способным дать отпор.

Мои пальцы впиваются в пластиковую ткань походного стула.

«Подожди», – мысленно говорит Фенрис, прикусывая меня за колено. Это быстро становится неприятной привычкой. «Сперва узнай, что задумал Волчий Глаз».

– Один час, – соглашается этот ничтожный человечешка, пятясь назад. – Или я вызову копов, ясно?

Я скалю зубы. Крейг спешит убраться подальше.

– Какого черта это было? – требую я у Волчьего Глаза, как только тот оказывается вне пределов слышимости. – С каких это пор мы прогибаемся перед людьми?

Мой бета выглядит нехарактерно серьезным, скрещивает руки на груди и ставит ноги пошире. Этот язык тела я знаю слишком хорошо. Он всегда так стоит, когда намеренно демонстрирует неповиновение.

Конечно, обычно у него есть на то причина.

– Ты пытаешься расположить к себе Виолетту, не так ли?

У меня дергается глаз. Я неопределенно хмыкаю. Сказать «нет» оказывается сложнее, чем я ожидал. Я не соглашаюсь с ним, конечно нет. Но мне любопытно, какое нелепое оправдание он припас на этот раз.

«А ведь у Волчьего Глаза и впрямь большой опыт с самками», – размышляет Фенрис. «Его манере спариваться нет равных среди Ликанов».

Я изучаю лицо Волчьего Глаза. Не то чтобы я не знал, как он выглядит – он был рядом со мной многие годы. Но я впервые по-настоящему замечаю, каким нетронутым оно осталось по сравнению с большинством в нашей стае. Его кожа гладкая и лишена боевых шрамов, которые Ликаны обычно носят как знаки отличия. Или выживания.

Большинство из нас носят на себе следы своих завоеваний.

И все же моему бете удалось сохранить свое лицо практически нетронутым. Это почти тревожно.

«Не его смазливая мордашка привлекает самок, – вмешивается Фенрис с пренебрежительным мысленным фырканьем. – Все дело в его характере. Он знает, как их очаровывать. Заставляет их чувствовать себя особенными, прежде чем перейти к следующей».

Хм-м.

– Тогда, возможно, – сухо говорит Волчий Глаз, не подозревая о нашем разговоре, – доминировать над другими людьми и терроризировать их – не лучший подход.

Я вздрагиваю. Конечно, Виолетта – человек. Я это знаю. Но почему-то я начал думать о ней как о ком-то... отдельном. Отличном от других ее вида. Особенном.

На самом деле, я, кажется, вспоминаю о том, что она человек, только когда Фенрис упоминает ее как кандидатку в пару.

– Девушка в том доме на колесах, – продолжает Волчий Глаз, указывая на дом на колесах Эхо, – уже завоевала доверие Виолетты. А ты – нет. И запугивание работника кемпинга не поможет твоему делу.

– Я не запугиваю, – бормочу я.

Волчий Глаз скептически поднимает бровь.

Шорох в доме на колесах привлекает мое внимание. Через окно я замечаю мелькнувшее движение – вспышку радужных волос. Эхо стоит прямо за стеклом и наблюдает за нами. На долю секунды наши взгляды встречаются, и по моей спине пробегает холодок.

– Ты это видел? – голос Фенриса рокошет между нами, так, чтобы Волчий Глаз мог его слышать. Эван и Джаспер ничего не замечают, у них нет доступа к нашей связи стаи.

Я хмурюсь в сторону странной женщины. – Видеть что?

– Ее глаза. Они изменились. Она кажется человеком, но на мгновение они стали похожи на кошачьи.

Эту деталь я бы никогда не заметил, но Эхо уже исчезла из окна.

– С этой женщиной что-то не так, – бормочу я.

– Ты просто злишься, что она нас выставила. – Но Волчий Глаз тоже хмурится, глядя на дом на колесах. Должно быть, слова Фенриса его встревожили.

Человек с кошачьими глазами? – Может, она какой-то оборотень-кошка?

Он чешет свои рыжие волосы, щурясь в пустоту. – Нет, не думаю. Мы бы учуяли ее, если бы она была оборотнем.

Странно. – Мы не уходим. – Как будто я собираюсь оставить Виолетту в руках этой женщины без присмотра.

Но мой бета меня игнорирует.

– Собирайтесь, – командует Волчий Глаз, поворачиваясь к Эвану и Джасперу. – Через час мы переезжаем.

Мои челюсти сжимаются. Волчий Глаз был моим бетой с самого начала, но с годами его дерзость только росла. Признаться, я сам это позволил, доверяя его суждениям, но...

– Начинайте разбирать палатку, – продолжает Волчий Глаз, даже не взглянув в мою сторону. Словно мое мнение не имеет значения. Словно слово его Короля – пустой звук.

Ярость поднимается так внезапно, что я едва могу ее сдерживать. Жар струится по моим венам, превращая кровь в жидкий огонь. Я встаю, и хлипкий походный стул с грохотом опрокидывается назад.

– Я сказал, мы остаемся. – Мой голос понижается на октаву, рокошет откуда-то глубже, чем из груди. Воздух вокруг нас густеет, и в кемпинге воцаряется неестественная тишина. Каждое живое существо в радиусе пятидесяти ярдов инстинктивно замирает.

Плечи Волчьего Глаза напрягаются, но он не оборачивается.

И тогда я позволяю ей просочиться – лишь толику той силы, что я сдерживал. Мощь доминирования исходит от меня волнами, невидимыми, но сокрушительными.

Тело Волчьего Глаза дергается, будто его ударили. Он падает на одно колено, из его горла вырывается сдавленный звук. За его спиной Эван и Джаспер падают ничком на землю, их конечности подергиваются, пока они борются с сокрушительной тяжестью моего приказа.

– Ты не смеешь отменять мои приказы, – рычу я, и каждое слово вибрирует силой. – Ты не смеешь игнорировать меня. Ты не смеешь принимать решения без моего одобрения.

Давление усиливается, и второе колено Волчьего Глаза подгибается. Его ладони упираются в грязь, но лицо остается невозмутимым.

– Я не какой-нибудь мелкий Альфа, которого можно успокоить или перенаправить. Я – твой Король.

Доминирование, исходящее от меня, теперь неконтролируемо, оно дикое. Оно давит на все вокруг – приминает траву, поднимает пыль, заставляет покрываться мурашками открытую кожу. Даже воздух, кажется, прогибается под его тяжестью.

Голос Фенриса прорезается сквозь мою ярость. «Ты привлекаешь внимание. Местная стая почувствует эту демонстрацию силы».

– Пусть приходят, – рычу я, зайдя слишком далеко, чтобы пережить. – Пусть увидят, что бывает, когда мой авторитет ставят под сомнение.

«Подумай о Виолетте».

Виолетта. Мое доминирование ослабевает на полсекунды – ровно настолько, чтобы Волчий Глаз смог судорожно вздохнуть.

Давление в воздухе все еще пульсирует в такт биению моего сердца, когда внезапный громкий треск разрывает напряжение.

Дверь дома на колесах распаивается и с такой силой ударяется о внешнюю стену, что дребезжат окна. – Прекрати это. Виолетта не может дышать.

55 Глава 55

Эхо не перестает пялиться в сторону стоянки Эвана, даже закрыв жалюзи. Она все равно ничего не видит сквозь черную ткань, так что я не уверена, зачем она продолжает туда смотреть.

Каждые несколько минут она приподнимает жалюзи и заглядывает под них, чтобы тут же снова опустить. Но делает это с таким безразличием, будто это обычное дело.

Это не так. Даже я это знаю.

Я уже собираюсь спросить, что она там высматривает, как вдруг она роняет голову с долгим, тяжелым вздохом, от которого я подпрыгиваю.

– Твой парень с катушек съехал, – ее голос звучит почти скучающе, но пальцы быстро барабанят по бедру.

Я моргаю, и мой желудок ухает куда-то в пятки. – Ксандер – мой бывший. Он и правда здесь?

Эхо поворачивается ко мне с выражением таким непроницаемым, что им можно горы ровнять. Через несколько секунд ее левая бровь взлетает вверх, а постукивание пальцев ускоряется.

Кажется, я что-то упускаю.

– Что? – спрашиваю я, искренне недоумевая.

– Никогда не думала, что буду сочувствовать волку, – она морщит нос. – А вот поди ж ты. Звучит не очень. – Ашер... Он... Ксандер мертв?

Я подхожу ближе, уже немного паникуя. Как и Эван, я совсем не хочу, чтобы жизнь Ксандера была на моих руках. А еще я не хочу его больше никогда видеть. Очевидно, его смерть исполнила бы мое желание, но оставила бы меня с огромным грузом вины, который я не готова взвалить на себя.

Вина – значит помнить.

Я не хочу ничего из этого помнить.

Эхо поднимает руку ладонью вперед, и я замираю. – Стой. Просто прекрати говорить, – ее взгляд метнулся к двери, затем обратно ко мне, а пальцы все так же барабанили. – Полагаю, мне нужно все ускорить, пока не стало хуже.

– Пока что не стало хуже?

Но Эхо не отвечает – казалось бы, я уже должна была к этому привыкнуть. Не привыкла. Вместо этого она выпрямляет спину, расправляет плечи и решительно шагает прямо к двери. Я едва успеваю осознать, что происходит, как она распахивает дверь с такой силой, что та ударяется о борт дома на колесах.

– Прекрати, – командует она тому, кто снаружи. – Виолетта не может дышать.

Мои руки рефлекторно взлетают к горлу. Я смотрю на свою грудь, словно и вправду могу увидеть, как отказывают легкие, но... вроде все в норме? Дыхание ровное, хоть и немного учащенное от тревоги. Я не задыхаюсь и не хватаю ртом воздух.

Я выглядываю из-за худенькой фигуры Эхо и тут же жалею об этом.

Волчий Глаз, Эван и незнакомец, которого я видела раньше, – на земле. Бета стоит на коленях, а двое других распластались на земле. Если у кого-то и есть проблемы с дыханием, так это у них, а не у меня.

Мне требуется всего секунда, чтобы понять, что происходит. В конце концов, я уже видела это однажды.

Но я не чувствую... ничего. Ни давления, ни принуждения встать на колени, ни трудностей с дыханием. Ни намек на доминирование Ашера меня не коснулось. Как и Эхо, по-видимому.

– Я дышу нормально, – шепчу я Эхо, которая делает за спиной отгоняющий жест. Похоже, мой вклад не требуется.

– Виолетта?.. – произносит Ашер. Голос у него странный. Отдаленный.

Эхо резко разворачивается ко мне, ее губы сжаты в суровую линию. Она поднимает ладонь, беззвучно произнося «стой здесь», и пятится со ступенек дома на колесах. Она делает это с такой легкостью, будто у нее глаза на затылке.

Я напрягаю слух, пытаюсь расслышать, что происходит снаружи, но ветер доносит ее голос прямо до меня.

– Виолетта внутри. Разве ты не хочешь ее провести?

Эхо говорит с Ашером? Или с Ксандером? И если это Ксандер, то где он? Я его там не видела.

К черту. Я снова выглядываю из-за двери и убеждаюсь, что Эхо говорит с Ашером, чей взгляд почти мгновенно встречается с моим.

Он бесцеремонно отталкивает Эхо в сторону и врывается вперед. От его веса на ступеньках дом на колесах качается. Когда он, пригнувшись, проходит в дверь, чтобы войти внутрь, у меня пересыхает во рту.

Дверь за ним захлопывается; это не он ее закрыл. Наверное, Эхо.

Теперь я с ним наедине. Вот тебе и «на моей стороне». Сначала Фенрис, теперь Эхо – оба бросили меня в трудную минуту.

Присутствие Ашера всегда было ошеломляющим, но сейчас он выглядел совершенно диким. На шее вздулись вены. Глаза потемнели до грозowych туч, а челюсти сжались так сильно, что я почти слышала, как скрежещут его зубы. Даже дышал он громко, тяжело и прерывисто.

Каждый дюйм его тела излучал едва сдерживаемую ярость.

Он надвигается на меня, и я инстинктивно отшатываюсь.

– Эм-м, привет? – слово больше похоже на писк, но он не отвечает и даже не моргает.

Длинными шагами он пожирает расстояние между нами, пока я отступаю, нащупывая руками препятствия позади. Крошечное пространство дома на колесах внезапно кажется ловушкой. Моя поясница упирается во что-то твердое – развлекательный центр, – и в груди вспыхивает паника.

Бежать некуда.

Прежде чем я успеваю увернуться в сторону, руки Ашера выстреливают вперед. Он дергает меня к себе с такой силой, что из легких выбивает дух. Одна рука стальным обручем обвивает мою талию, а вторая обхватывает затылок, отводя голову в сторону, пока он зарывается лицом в изгиб моей шеи.

Его дыхание обжигает мою кожу, пока он снова и снова глубоко вдыхает, и его грудь расширяется, прижимаясь к моей с каждым отчаянным вдохом.

Мои руки неловко застывают в воздухе, пальцы растопырены, как морские звезды. Понятия не имею, что делать с руками. Похлопать его по спине? Оттолкнуть? Оба варианта кажутся одинаково опасными.

И снова мне напоминают о простом факте. Король Ликанов – псих.

Кончик его носа очерчивает линию до чувствительного места за ухом, и я не могу сдерживать дрожь. Его хватка становится еще крепче, вжимая меня в твердую плоскость его груди.

– Я дышу нормально, – выдавливаю я, мой голос выше обычного. – Но если ты продолжишь так меня сжимать, это ненадолго.

И тут происходит нечто странное. Жесткое напряжение в его теле ослабевает. Не полностью, но достаточно, чтобы ослабить сокрушительное давление его объятий. Рука на моей талии немного разжимается. Ладонь на затылке становится менее требовательной, более бережной. Его дыхание, бывшее прерывистым и тяжелым, постепенно замедляется, подстраиваясь под мое.

Осторожно я опускаю руки ему на плечи. Под моими ладонями его мышцы – словно гранит, но стоит мне прикоснуться, как они смягчаются.

– Ты в порядке?

Ашер издает какой-то звук глубоко в горле. Не то рык, не то вздох. Его губы касаются моего пульса, когда он говорит: – Нет.

Ох.

– Этого недостаточно, – добавляет он, но его слова не соответствуют действиям, когда он делает шаг назад, отпуская меня.

– Чего недоста... ах!

Звук вырывается из моего горла – полукрик, полувздох, – когда ткань моей футболки поддается без сопротивления. Да, Ашер меня отпустил. Но потом он поднял руку к моему воротнику, и...

Что ж, прощай, футболка Эхо с какой-то группой.

Я в шоке опускаю взгляд, мой разум пытается осознать, что только что произошло. Воздух касается кожи, оставляя мурашки. Три ровных разреза идут от воротника до самого низа. Разорвано не руками, а...

Когтями.

Разорванная ткань безвольно свисает с моих плеч, открывая простой бежевый бюстгальтер и мой голый живот. – Что ты?..

– Ш-ш-ш, – Ашер даже не делает вид, что его волнует моя реакция. Его большие руки хватают то, что осталось от футболки, и одним плавным движением стаскивают ткань вниз по моим рукам. Рваные остатки футболки опадают к моим ногам, оставляя меня почти голой по пояс.

– П-постой. Что ты...

Мои слова замирают в горле, когда Ашер одним плавным движением срывает с себя футболку, обнажая торс, испещренный замысловатыми татуировками. Они извиваются и выются по его коже, словно древние письмена.

Черт.

Его мышцы просто восхитительны.

Его футболка присоединяется к моей на полу, и все это выглядит как страстная прелюдия к сцене секса практически в любой романтической комедии.

Мой мозг прощается с рассудком.

Я должна протестовать, говорить ему, что он не может просто так срывать с меня одежду. Вместо этого мой взгляд задерживается на сужающейся дорожке волос, ведущей от его пупка вниз, к...

Нет-нет. Глаза у него на лице. А не там, внизу. Имей хоть каплю приличия, Виолетта. Не будь такой.

Ашер снова притягивает меня к себе с тихим стоном. Моя обнаженная кожа соприкасается с его кожей. Мой разум уходит в отставку. Мое тело продает душу.

И мои ладони прижимаются к его груди, зажатые между нами, когда он снова утыкается лицом мне в шею, дыша так, будто ему не хватает кислорода.

Иисус. Я стою здесь голая против своей воли и позволяю мужчине пускать слюни мне на шею. И я почти уверена, что не должна этим наслаждаться.

– Какого черта ты творишь? – мой протест – скорее дань приличиям, чем то, чего я действительно хочу, и мои пальцы сжимаются на твердых пластах мышц, к которым прижаты. Такие теплые.

– Дышу, – бормочет он, выдыхая горячий воздух на каждом слоге.

Ох. Ага. Мне это тоже очень нравится.

Не должна.

Не могу.

Не смею.

Но нравится.

Его руки обхватывают мою поясницу, прижимая меня к себе, но не блуждают. Они остаются на месте, почти... уважительные в своей неподвижности.

Несмотря на то, что он, ну знаете, буквально раздел меня без согласия.

– Мне это нужно, – говорит он, касаясь моей кожи зубами. – Ты нужна.

Ашер снова и снова глубоко вдыхает, словно утопающий, наконец-то вырвавшийся на поверхность. Каждый его вдох звучит отчаянно и прерывисто.

56 Глава 56

Мы остаёмся в таком положении, кажется, целую вечность.

Желание, когда-то кипевшее в моих жилах, теперь лишь тлеет, оставленное без внимания. Прозаичные проблемы разгоняют туман возбуждения и навязчивое отслеживание каждого его вдоха.

У меня болит спина.

Я наполовину перегнулась через его руку, и от этой неестественной позы я вот-вот потеряю равновесие, а мышцы торса молят об абонементе в спортзал.

Сначала я легонько похлопываю Ашера по спине. Робкое похлопывание по напряжённым мышцам, тёплым и мягким под моими руками. Никакой реакции. Он по-прежнему уткнулся лицом в изгиб моей шеи, его дыхание глубокое и жадное, словно он вдыхает меня в свою душу. Иногда мне почти кажется, что так и есть – будто что-то внутри меня поглощается им. Но это просто моё одурманенное воображение разыгралось.

– Ашер, – шепчу я, и мой голос едва слышен за агрессивным гулом всех трёх кондиционеров дома на колёсах.

В ответ – снова ворчание. Он прижимается ещё ближе, его щетина царапает чувствительную кожу под моим ухом. По мне пробегает дрожь, желание вспыхивает острой и горячей волной, а затем снова затухает, превращаясь в тупую пульсацию.

Мои похлопывания становятся твёрже. Настойчивее. Мягкий ритм сменяется нетерпеливой барабанной дробью по его широкой спине.

– Ашер. – На этот раз громче, мой голос твёрд, хотя ноги дрожат от напряжения. – Ашер, пожалуйста.

Но он витает где-то, куда я не могу за ним последовать. Его хватка едва заметно усиливается, и с каждым его вдохом я чувствую, как твёрдая грудь прижимается к моей. По его телу пробегает дрожь, и ответная дрожь желания опасно вспыхивает внизу моего живота.

И тут же всё снова пропадает, заглушенное нарастающей болью в позвоночнике.

– Ты меня пополам сломаешь, – наконец выдыхаю я, толкая его в плечи. Мне отчаянно нужна передышка. – Пожалуйста, отпусти. У меня спина болит!

Всё его тело напрягается.

На один благословенный миг мне кажется, что он меня услышал. Что он отпустит меня, позволит крови снова прилить к моим сведённым судорогой конечностям и прекратит мучение моих мышц.

Вместо этого его руки сжимаются ещё сильнее, словно железные тиски, вжимая меня в него. Его хватка становится почти болезненной, граничащей с отчаянием.

– Нет. – Его отказ обжигает мне кожу. – Я не могу тебя отпустить.

Страдания в его голосе достаточно, чтобы подавить моё растущее раздражение. Сейчас говорит не ужасающий Король Ликанов. И даже не тот властный Ашер, что несколько мгновений назад вломился в дом на колёсах.

Это кто-то совершенно другой – сломленный и уязвимый. У меня сжимается сердце, когда я его слышу.

Я нехотя снова обвиваю его руками и, вздохнув, легонько похлопываю по спине. – Хотя бы дай мне выпрямиться.

Когда он сорвал с меня рубашку, мои мысли тут же скатились к пошлостям в ожидании куда более непристойной ситуации. К несчастью, он не сделал ничего, кроме... дыхания. Много горячего, тяжёлого дыхания.

Постойте... я только что сказала «к несчастью»...?

Ашер хмыкает, что совсем не похоже на ответ. Затем его руки опускаются ниже, пальцы обхватывают мою задницу и опасно прижимаются к чувствительной зоне между бёдер.

У меня перехватывает дыхание.

Он внезапно отрывает меня от пола. Срабатывает инстинкт, и я крепче обнимаю его за шею, а ноги сами собой обвивают его талию. С моих губ срывается тихий визг, эхом разносящийся по тесному дому на колёсах.

Но моя спина наконец-то получает облегчение, о котором так молила.

– Что ты...

Он не отвечает, даже не смотрит на меня. Его лицо по-прежнему утопает в изгибе моей шеи, он выдыхает горячий воздух, пока мы делаем несколько шагов к кушетке Эхо. Каждое движение прижимает меня к нему, создавая восхитительное трение.

Тление снова превращается в кипение.

Чтобы удержаться, я крепче сжимаю бёдра вокруг него, и он издаёт мучительный стон.

– Прекрати, – рычит он мне в кожу, его голос хриплый, как будто по гравии скребут. – Прекрати, или я потеряю те жалкие остатки контроля, что у меня ещё есть.

Меня поражает абсурдность его заявления. Ведь это он сорвал с меня рубашку.

– Контроль? – растерянно спрашиваю я. – Ты считаешь, что сейчас ты себя «контролируешь»?

В ответ он лишь крепче сжимает мою задницу, впиваясь пальцами в мягкую плоть. Кушетка скрипит под нашей общей тяжестью, когда он опускает нас на неё, умудряясь при этом оставить меня сидеть на нём верхом. Поза кажется опасно интимной, но он по-прежнему ни разу не взглянул мне в лицо.

– Ашер, – снова пытаюсь я, борясь с туманом желания, который застилает мой разум. Обретя опору в виде кушетки за спиной, я убираю руки с его шеи и упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь создать между нами хоть какое-то пространство. – Это ненормально. Ты не можешь просто врываться сюда и...

– Ты сводишь меня с ума, – перебивает он, покрывая мою шею лёгкими поцелуями.

Я стискиваю зубы, борясь с порочной настойчивостью собственного тела, готового позволить ему делать со мной всё, что угодно. – Ты сорвал с меня рубашку.

Он наконец отрывает голову от изгиба моей шеи и смотрит на меня сверху вниз. Это не должно быть так сексуально, но вот мы здесь, тонем в океане размытых сексуальных границ. – Она мешала. Мне нужна твоя кожа рядом с моей, Виолетта. Мне нужен твой запах. Твоё тепло.

Собственнические нотки в его голосе вызывают во мне противоречивый трепет. Часть меня хочет влить ему пощёчину за высокомерие, в то время как другая – та, которой я не особо горжусь, – уже вручила ему ключи от моего тела, отдав его в полную собственность.

– Нет, – твёрдо произношу я, хотя тело предаёт меня, ещё больше прижимаясь к нему. – Нельзя.

– Ты моя, – рокошет он, игнорируя мой протест. – Моя, чтобы защищать. Моя, чтобы... – он умолкает, и его взгляд, блуждая по моему лицу, темнеет.

– Чтобы что? – с вызовом спрашиваю я, а сердце колотится о рёбра. Как будто я жду определённого ответа.

Или жду?

Вместо ответа Ашер кладёт ладони по обе стороны от моей головы и опускается на локти. Его нос касается моего. Губы касаются моих губ. Раз. Другой. Затем он снова отстраняется, и между нами появляется расстояние. Он смотрит на меня, и его зрачки так расширены, что от серой радужки остался лишь тонкий ободок.

– Просто моя, – повторяет он голосом, ставшим ещё более хриплым.

Неопределённость держит меня в мёртвой хватке, заставляя метаться между желанием и разумом.

– А что, если я не хочу быть твоей?

Его губы изгибаются в подобии улыбки – первой, что я у него вижу.

Ах. И когда только успела рассеяться его пугающая аура?

– Тогда почему твои ноги всё ещё обвивают меня? – спрашивает он легко и дразняще. Словно он – совершенно другой человек, не тот, что нашёл меня в лесу. Не тот, что в ярости подчинил себе целую стаю. Не тот, кто сказал, что я его пленница.

Густой румянец заливает мои щёки, и я отворачиваюсь от его соблазнительного лица. Но когда я пытаюсь расцепить ноги, они просто... не слушаются. Они остаются сомкнутыми на его талии, пока он качает бёдрами вперёд, прижимаясь к самому чувствительному месту моего тела.

Шорты Эхо, и без того сомнительной длины, задрались так, что едва прикрывают самое необходимое. Мои бёдра совершенно обнажены, и я чувствую жар его кожи даже сквозь джинсовую ткань.

С моих губ невольно срывается тихий стон, и Ашер усмехается. Этот звук – тёмный. Приглашение ко греху.

– Посмотри на меня, Виолетта.

57 Глава 57

Ни за что.

Даже если он прикажет, я правда не смогу.

Я отворачиваюсь и смотрю на выцветший цветочный узор одеяла. Мой пульс подскочил до небес, но я твёрдо решила не смотреть ему в лицо. Если я это сделаю, то пропаду, упаду так глубоко в греховные пучины ада, что, боюсь, уже никогда не смогу вернуться.

Я не готова.

– Виолетта, – его голос превращается в шёлковый шёпот у самого моего уха.

Я крепко зажмуриваюсь. – Не надо.

Но он не слушает. Вместо этого тёплые губы прижимаются к моей щеке. Прикосновение лёгкое, как пёрышко, и убийственно нежное. У меня перехватывает дыхание, когда он нетопливо очерчивает ленивую дорожку на моей коже, словно у него в запасе целая вечность, чтобы изучить каждый изгиб моего лица.

– Посмотри на меня, – повторяет он, и его горячее дыхание касается моего виска.

Я качаю головой, движение едва заметно. Его ответный смешок вибрирует в моих костях.

– Упрямая, – шепчет он, и это звучит не как обвинение, а скорее как похвала. Мои бёдра без разрешения начинают волнообразное движение, и он в ответ подаётся вперёд.

Я – податливый воск.

Его губы скользят к моему уху, зубы задевают чувствительную раковину, а затем язык очерчивает её изящный изгиб. Предательская дрожь пробирает меня до костей, и мои пальцы впиваются в твёрдые мышцы его груди.

– Я слышу, как бьётся твоё сердце, Виолетта, – его губы касаются моего уха при каждом слоге. – Оно бьётся для меня.

– Ему и положено биться, – выдавливаю я, разрушая свою попытку казаться дерзкой и невозмутимой.

Влажный и горячий язык касается ямочки под мочкой моего уха, и тихий вздох срывается с моих губ прежде, чем я успеваю зажать его зубами. Его довольное урчание говорит мне, что он услышал этот звук.

– Твоё тело всё знает, Виолетта.

Дом на колесах вдруг кажется слишком маленьким, слишком душным. Моя грудь вздымается и опадает от частого дыхания, и каждый вдох пропитан его запахом.

– Перестань говорить, – удаётся мне произнести напряжённым голосом. Звук его голоса разрушает мой самоконтроль до последнего миллиметра.

– Нет? Я бы предпочёл заставить тебя перестать дышать.

Моё сердце замирает, и я резко вдыхаю.

Он усмехается. – Да. Вот так.

Придурок.

Его губы скользят вниз по моей шее, задерживаясь на точке, где отчаянно бьётся пульс под моей челюстью. Он глубоко вдыхает, и этот звук такой животный, такой волчий, что по мне пробегают ещё одна дрожь.

Я должна быть в ужасе. Этот мужчина убивает без колебаний. Он разорвал стаю, словно она была ничем. Он сказал, что я его пленница.

И всё же я здесь, таю под его прикосновениями, словно сама Богиня отдала меня ему, перевязав красивым красным бантом.

Ашер переносит вес на одну руку, и это движение ещё сильнее прижимает его бёдра к моим. Твёрдый бугорок его возбуждения натягивает джинсовую ткань, и жар скапливается

внизу моего живота. Его свободная рука скользит вверх по моему обнажённому боку, шершавая ладонь касается кожи, а кончики пальцев оставляют за собой дорожку из мурашек.

– Твоя кожа нежнее, чем я представлял. – Его большой палец проскальзывает под тугую полоску моего бюстгалтера и очерчивает нижнюю часть груди – намёк на его дурные намерения. – И я представлял это каждую ночь. С тех пор, как впервые уловил твой запах.

Дыхание со свистом вырывается из груди от шока. А ведь я ему почти поверила, со всеми этими угрозами и хватаниями за горло.

Но он побеждает, потому что это признание наконец заставляет меня поднять взгляд к его лицу. Его глаза впиваются в мои, зрачки расширены от желания, всякое притворство контроля сброшено. Неприкрытый голод, который я вижу в них, крадёт остатки воздуха из моих лёгких.

– А вот и ты, – бормочет он, и удовлетворение отражается в изгибе его губ. – Я уже начал думать, что ты больше никогда на меня не согласишься.

Я теряю дар речи. Я могу лишь смотреть, пойманная в магнитное притяжение его взгляда, в то время как вся его ладонь наконец пробирается под мой бюстгалтер, чтобы полностью обхватить грудь, а большой палец касается чувствительного соска. Моя спина невольно выгибается, подаваясь навстречу его прикосновению.

– Такая красивая, – выдыхает он. – Такая отзывчивая. Такая идеальная.

Его рука оставляет мою грудь и скользит вверх по шее, наклоняя моё лицо к своему. Время замирает, пока он нависает надо мной, и наши дыхания смешиваются в узком пространстве между нашими губами.

Предвкушение несётся по моим нервам, заставляя их искрить в безумном порыве.

– Сейчас я попробую тебя на вкус, Виолетта, – говорит он, и его голос – низкий рокот, который я скорее чувствую, чем слышу. – И после этого ничто уже не покажется таким сладким.

Его слова продолжают меня разрушать.

Первое прикосновение его губ к моим – нежное, что резко контрастирует с хищным голодом в его глазах. Мягкое. Пробное. Словно он смакует первый контакт, запоминая текстуру и тепло.

Я лежу под ним, застыв, разрываясь между желанием оттолкнуть его и притянуть к себе ближе. Моя нерешительность длится всего несколько секунд, прежде чем его язык проводит по линии моих губ, ища путь внутрь. Когда я уступаю – Бог, помоги мне, я уступаю, – поцелуй меняется.

Нежность сменяется собственничеством. Его язык скользит по моему, заглаживая моим ртом с тем же доминированием, которое он проявляет во всём остальном. Его рука оставляет мою челюсть и зарывается в волосы, пальцы сжимаются, удерживая меня именно там, где он хочет.

Мои пальцы сжимаются в кулаки на его груди, а затем скользят вверх, чтобы вцепиться в его плечи, пытаюсь удержаться на плаву в потоке ощущений, грозящем унести меня прочь.

Он стонет мне в рот, прижимаясь бёдрами к моему влажному теплу и нарочито надавливая; стон вырывается из меня, но тут же тонет в его поцелуе, потому что он целует меня сильнее, глубже, пока у меня не начинает кружиться голова от желания и я не становлюсь готова умолять о большем.

Когда он наконец отстраняется, мы оба тяжело дышим. Он упирается лбом в мой лоб, и наши дыхания смешиваются в наэлектризованном пространстве между нами.

– У тебя вкус черники, – бормочет он, его голос хриплый от желания. – Как нечто, что я мог бы поглощать вечно и всё равно хотеть ещё.

Черника...

Что-то в его словах пробуждает мои воспоминания, но они тут же исчезают, унесённые прочь, когда его губы снова впиваются в мои, отбросив всякую сдержанность. Это не поцелуй –

это поглощение. Жадное и отчаянное. Его язык грабит, зубы прикусывают мою нижнюю губу, вызывая испуганный вздох, который он использует с безжалостной точностью.

Его рука снова скользит вниз по моему боку, сжимая бедро до синяков, а затем огибает его и закидывает мою ногу ему на талию. Это движение прижимает меня вплотную к его твёрдой длине, и я выгибаю спину, пытаюсь найти опору, чтобы потереться о него.

Трение восхитительно.

Он прерывает поцелуй, чтобы провести губами по моей челюсти, вниз по шее, и его зубы царапают мою ключицу. – Я убивал и за меньшее, чем попытка желать тебя.

Его слова должны ужасать, а не возбуждать. Жидкий огонь течёт по моим венам, скапливаясь между бёдер, куда настойчиво давит его твёрдость.

Он поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Что-то между нами вспыхивает. Моё сердце не перестаёт колотиться, грудь почти сдавливает от напряжения.

– Скажи, что ты тоже это чувствуешь, – требует он, отталкиваясь от меня, чтобы схватить мои бёдра с обеих сторон и приподнять их выше. Он снова качается вперёд – отчаянная дразнящая прелюдия к тому, что будет дальше. – Скажи, что я не одинок в этом безумии.

Я не могу ничего сказать. Отведя взгляд, я отворачиваюсь. Хотелось бы, чтобы мои щёки не были такими красными. Хотелось бы, чтобы смущение не держало меня в мёртвой хватке, пока я слушаю его лёгкие слова. Его приказы.

– Скажи мне, Виолетта.

Я отчаянно мотаю головой.

От его рычания вибрирует всё его тело, пока его рука скользит вниз по моему бедру, а пальцы пробираются под шорты. Моё дыхание сбивается на тихие, частые вздохи, и я крепко зажимаюсь.

Кончики его пальцев дразняще близко касаются того места, где всё пульсирует, но этого недостаточно. Совсем недостаточно.

– Я испорчу тебя для всех остальных, – бормочет он. – После меня не будет никого другого. Лишь пепел.

58 Глава 58

Почему он не замолкает? Каждый раз, когда он открывает свой чёртов рот, пульсация становится только сильнее.

– Ты хочешь этого.

Говорить ему, что это не так, кажется... ну, бессмысленным. Потому что моё тело, мои действия, всё во мне сейчас рассказывает ему совсем другую историю. И он не ошибается. Убийца он или кто бы там ни был, это не отменяет огня, который он зажигает в моей крови, и напряжённого предвкушения, от которого я дрожу, пока его пальцы подбираются всё ближе.

– Скажи это, Виолетта, – требует Ашер. Слова такие грубые, его голос такой глубокий, что мои бёдра дёргаются. – Скажи мне, что ты этого хочешь.

Я сжимаю губы. Какая-то распутная часть меня хочет сделать так, как он говорит, но подавляющее большинство отвергает его просьбу – смущение слишком велико, чтобы его преодолеть. Но даже несмотря на то, что оно заливаёт мои щёки румянцем, моё тело продолжает реагировать. То дрожь пробежит. То резкий вдох сорвётся. Лёгкое движение бёдрами, чтобы соблазнить его пальцы продолжить путь, пока они наконец не достигают края моих трусиков.

Ещё.

Выше.

– Упрямая маленькая человечка, – бормочет он. – Я слышу, как бешено колотится твоё сердце. Я чувствую запах твоего желания. Он такой густой, что я мог бы им задохнуться. Этого ты хочешь, Виолетта? Чтобы я умер в твоих объятиях?

Как ему удаётся говорить такое так легко? Он произносит это так, будто совсем не чувствует смущения. А я в это время утыкаюсь ладонями в лицо, прячусь за ними, словно они могут защитить меня от его бесстыдно эротичных слов. Словно, прикрыв пылающие щёки, я смогу хоть как-то остудить жар, распространяющийся по всему телу.

– Посмотри на меня.

Я снова качаю головой, не убирая ладоней.

Он двигает бёдрами, раздвигая мои ноги шире. Затем его рука оставляет моё бедро и обхватывает одно из моих запястий; не тянет, просто держит его там, где оно лежит. – Я хочу видеть твои глаза, когда ты признаешь, что между нами происходит.

Нежность в его голосе почти сломила меня. Почти. Я ожидала, что Король Ликанов продолжит требовать. Заставлять. Покорять. Это терпеливое уговаривание кажется почему-то более опасным.

– Ты ведь никогда такого не чувствовала, правда? – его большой палец чертит круги на внутренней стороне моего запястья. – С ним.

Упоминание о Ксандере должно было потушить огонь, но вместо этого он разгорелся от возмущения ещё жарче. Я напрягаюсь, но его пальцы проскальзывают под край моего белья, получая доступ к влажному возбуждению. У меня перехватывает дыхание.

Ашер хмыкает, и этот звук – мрачный и всезнающий. – Твоё молчание говорит мне всё, что нужно знать.

В его голосе столько самодовольства, но короткая вспышка раздражения из-за имени Ксандера исчезает под натиском снизу. Твёрдые, горячие пальцы скользят, отодвигая мои трусики в сторону, и я выгибаю бёдра, стенаю, когда они касаются входа. Там есть маленькая точка, более чувствительная, чем всё остальное, и я хочу, чтобы он надавил на неё. Сильно. Чтобы он вжимался, тёр и делал всё, что пожелает.

Но вместо этого его пальцы скользят вверх, находя кое-что не менее приятное. Он поддевает, щиплет и крутит, немного подразнив мой клитор, а затем снова соскальзывает вниз. Вверх и вниз. Оставляя меня задыхающейся и скулящей, с дрожащими ногами.

Он постукивает пальцами по моему входу; не проталкивая их внутрь, а скорее... я не знаю. Трудно разобрать, что именно я там внизу чувствую.

Такое чувство, будто он накрыл моё влагалище, как чёртов садовый шланг, и почему это так приятно? Я вращаю тазом, и один палец проскальзывает на миллиметр внутрь, надавливая. Я стенаю с полублегчением, но этого недостаточно. Мне нужно больше.

– Я мог бы заставить тебя умолять, знаешь ли, – его голос падает на октаву, становясь ещё грубее. – Я мог бы ласкать тебя, пока ты не забудешь, кто ты. Пока единственным словом, которое ты сможешь выкрикнуть, не станет моё имя.

Ах, этот его прекрасный рот.

У меня перехватывает дыхание. Я зажмуриваюсь ещё крепче, словно темнота способна хоть как-то ослабить всё происходящее.

Она не способна.

– Блядь, – бормочет он, и его дразнящие пальцы надавливают сильнее. – Твой запах...

Внезапно он слегка поворачивает руку, и что-то тупое и горячее проскальзывает внутрь, растягивая чувствительную кожу. Это приятная боль. Более чем приятная. Я хочу... больше.

Больше.

Глубже.

– Два, – стонет он. – Блядь. Ты узкая, но достаточно мокрая, чтобы сразу принять два. Как, блядь, идеально.

Идеальный момент прерывает резкий, частый стук.

Ашер замирает надо мной, в его груди нарастает низкое рычание. Мне следовало бы ужаснуться. Сгореть со стыда. Всё моё возбуждение должно было бы улетучиться. Вместо этого я толкаю бёдра вниз, заставляя его пальцы войти чуть глубже. Мои руки соскальзывают с лица, и я, всё ещё с закрытыми глазами, отчаянно тянусь к руке между моих бёдер.

– Я знаю, что мешаю, – явно скупающий голос Эхо доносится из-за двери, – но требуется присутствие твоего парня.

Ашер рычит. – Не обращай на неё внимания.

Я и не обращаю, обеими руками хватаясь за его предплечье и потянув на себя.

Он немедленно подчиняется, без предупреждения вгоняя пальцы до самого конца. Моя спина выгибается дугой, я издаю тихий вскрик, а он со стоном наклоняется ко мне, хватая меня за челюсть и дёргает моё лицо к своему.

– Открой свои грёбанные глаза, Виолетта.

– Повторяю, его присутствие требуется, – монотонно произносит Эхо, снова постучав.

Внизу живота всё сжимается. Она может открыть дверь в любой момент. Войти. Увидеть, что мы делаем. Это была бы ужасно неловкая ситуация; я бы никогда больше не смогла посмотреть ей в глаза. Так почему же всё моё тело извивается, сильнее прижимаясь к нему? Почему я открываю глаза по его приказу?

К чёрту разум. К чёрту рациональность. Я больше даже не понимаю, что происходит.

– Пожалуйста, – слово слетает с моих губ без разрешения. – Пожалуйста, Ашер.

Я съёживаюсь от отчаянных ноток в собственном голосе, но слишком опьянена возбуждением, чтобы придать этому значение. Он неподвижен, застыл надо мной, словно моя мольба удивила его так же, как и меня. Я встречаюсь с ним взглядом – уязвимая и беспомощная. Умоляющая.

Его губы дёргаются в подавленной усмешке. Грозовые глаза светлеют. Они сверкают решимостью и дикостью, вызывая трепет в моём животе.

Клянусь, я всё ещё чувствую, будто нас что-то связывает, что-то вытягивает из меня и вливает в него в каждой точке соприкосновения наших тел. Особенно там, внизу, где его пальцы...

– Какая хорошая девочка, Виолетта. – Он меняет положение руки, сгибая пальцы внутри меня. Наблюдает за моим лицом, пока двигает ими. – Этого ты хочешь, Виолетта? Хочешь ещё?

– Да.

Это признание стоит мне остатков самоуважения.

Он двигает пальцами внутри меня. Сначала медленно, выводя их, а затем снова вводя, пока моё тело привыкает к нежному растяжению. Это восхитительно, но всё ещё недостаточно, и вскоре его темп нарастает, и вот он уже двигает пальцами, как поршнями, создавая самое неловко-эротичное хлюпанье, которое я когда-либо слышала.

Одна моя половина хочет столкнуть его с себя и убежать, потому что, о Боже, неужели моё тело издаёт такой звук, когда его пальцы во мне?

Но другая половина...

– Ещё, – скулю я, мои бёдра трясутся, вращаются и качаются в такт каждому его движению. – Сильнее, пожалуйста.

Его пальцы на секунду прерывают движение, но лишь для того, чтобы его большой палец начал тереться о мой клитор. По мне проносится разряд электричества, раскалённый и пульсирующий, а затем он снова начинает двигаться, описывая круги, надавливая и сгибая пальцы в такт щекочущим движениям большого пальца.

– Серьёзно, я открою дверь через пять секунд, – кричит Эхо.

– Кончи для меня, – рычит он. – Кончи мне на пальцы, как хорошая девочка, пока твоя подруга не вошла и не увидела, как ты вот так раскинулась, принимая все мои пальцы.

Его грязные словечки – это уже слишком, они действуют, как щелчок выключателя. Мой позвоночник изгибается, отрываясь от подушек, и из моего горла вырывается сдавленный крик. Это странное чувство энергии между нами нарастает; на этот раз это не ощущение мягкого поглощения. Это похоже на бурную реку, текущую от меня к нему.

– Четыре секунды!

Всё моё тело напрягается, как натянутая до предела резинка, когда его пальцы снова начинают двигаться, как поршни, врываясь в меня сильнее. Глубже. Именно так, как я просила.

И я кончаю, словно гейзер, всем телом поддаваясь напряжению, пока из меня что-то изливается, заливая его руку.

– Три секунды. Я не шучу, извращенцы.

Это слишком. Слишком идеально.

– Какая, блядь, хорошая девочка, – говорит он, на последнем слове в последний раз толкаясь в меня.

Я обмякаю, опустошённая, не более чем лужица из Виолетты на кушетке.

Мои конечности становятся невероятно тяжёлыми, когда пальцы Ашера выскальзывают. Комната кружится, потолок над головой плывёт кругами.

– Это было... – я не могу закончить мысль. Мой язык стал толстым и неповоротливым во рту, будто у меня не осталось сил даже на то, чтобы складывать слова.

Ашер нависает надо мной, его лицо расплывается по краям. Что-то не так. Зрение темнеет по краям, сужаясь до точки. Странная связь между нами снова пульсирует, но теперь кажется, будто во мне больше ничего не осталось, что можно было бы из меня вытянуть.

Словно меня осушили до дна.

– Виолетта? – его голос звучит отдалённо, как под водой.

Мои веки трепещут. Слишком тяжёлые, чтобы держать их открытыми. Как странно. Похоже... я теряю сознание?

Голос Эхо – последнее, что я слышу, искажённый пеленой, заполнившей мои уши. – Две секунды, и я вхожу, даже если твой член будет торчать наружу.

Темнота поглощает меня прежде, чем я успеваю услышать остальное.

59 Глава 59

Ашер

Обмякшее тело Виолетты разжигает во мне новое чувство, что-то старое и незнакомое. Эмоция, которой я не испытывал с тех пор, как был маленьким щенком, задолго до того, как обрёл силу и власть.

Ужас.

«Что такое?» – спрашивает Фенрис. Он молчал, вежливо отстраняясь от нашей близости, даже когда эта девица с радужными волосами колотила в дверь.

Она без сознания.

– Виолетта.

Я трясую её за плечо. Кожа под моей ладонью прохладная на ощупь. Слишком прохладная.

– Виолетта, очнись.

Её голова безвольно мотается, когда я тормошу её, волосы рассыпаются по подушке выбеленными золотистыми волнами. Ни единого трепета ресниц, ни малейшего подёргивания. Мой желудок сжимается от ужаса.

– Виолетта! – в моём голосе звучит приказ, воля альфы.

Ничего. Только её бледное лицо, приоткрытые губы и грудь, что вздымается и опускается в такт поверхностному дыханию.

Что с ней не так? Почему она не просыпается?

Фенрис взрывается паникой, его вой разрывает и мой разум, и воздух вокруг. К нему присоединяются странные голоса, но они – меньшая из моих забот.

«Ты убил её. Ты убил нашу пару!»

– Заткнись, – рычу я, прижимая два пальца к пульсу на её горле. Он слабо трепещет под моим прикосновением. – Она жива.

Внезапный грохот распахнувшейся двери заставляет меня резко обернуться. Рычание нарастает в горле, пока я вылетаю из-за угла в коридор. Виолетта всё так же безвольно лежит на кушетке. Всего несколько мгновений назад она была такой живой, такой яркой, а воздух был наполнен ароматом её оргазма.

А теперь...

– Надеюсь, ты уже убрал свой хе... – радужноволосая заноза осекается, как только видит моё лицо, и её взгляд метнулся мне за спину.

– Вызови человеческую скорую, – приказываю я, пытаюсь сдержать панику, прорывающуюся в голосе. Король Ликанов не паникует. Мы всегда спокойны и собраны.

Фенрис снова воеет – дикий, неконтролируемый, полный боли клич.

Эхо моргает, глядя на меня. Что-то меняется в её странных глазах, и её зрачки сужаются в щёлочки. Это именно то, о чём говорил Волчий Глаз, но тайна её личности больше не приоритет. Виолетте нужна помощь.

– Идиот, – рычит она, бросаясь вперёд и отталкивая меня с удивительной для её миниатюрного человекоподобного тела силой. – Не мог сдержаться?

Моя грудь болит от этого обвинения. Неужели я потребовал слишком много от её хрупкого человеческого тела?

Я отшатываюсь к стене, когда она бросается к Виолетте, отпихивая меня в сторону, словно я не самый опасный хищник из всех, кого она когда-либо встречала. Словно я не убивал и за меньшее.

Пол качается от всех наших движений.

Женщина, которую Виолетта называет Эхо, больше не смотрит на меня, её внимание полностью сосредоточено на Виолетте. Она прижимает два пальца к запястью моей пары, затем наклоняется к её лицу, наблюдая за дыханием.

При обычных обстоятельствах меня бы обеспокоило, что она видит обнажённый торс Виолетты.

При этих обстоятельствах... это всё равно меня беспокоит. Я проскакиваю мимо Эхо, чтобы натянуть на Виолетту край одеяла, укрывая её от взгляда другой женщины.

– Что случилось? – требует она, её голос такой же резкий, как у любого Ликана. В нём звучит приказ, не уступающий приказу альфы.

– Мы... – слова застревают у меня в горле.

– Занимались сексом, эту часть я поняла. – Её пальцы осторожно проходят по горлу Виолетты, она хмуро осматривает кожу. Там нет метки. Пока нет. – Когда она отключилась? До, во время или после?

– После. – Я провожу рукой по волосам, ненавидя свою зависимость от этой странной женщины в заботе о моей Виолетте. – С ней всё было в порядке. А потом она просто... обмякла.

– Скорая. Точно, – бормочет Эхо, выуживая из кармана телефон. – Мы так далеко, что это займёт минимум тридцать минут.

Тридцать минут. Моя грудь болезненно сжимается. – Это слишком долго.

– Ещё бы. – Она набирает номер и подносит телефон к уху. – Мы могли бы отвезти её, но если её двигать, это может...

Она обрывает фразу, переключая внимание на звонок. – Да, нужна неотложная медицинская помощь. Моя подруга, молодая женщина, без сознания и не реагирует после... – Она бросает быстрый взгляд на шорты Виолетты, которые всё ещё на ней. Хмурится, глядя на меня. – После полового акта.

С той стороны сыплется шквал вопросов, и Эхо решительно на них отвечает, пока я притягиваю обмякшее тело Виолетты в свои объятия, сдерживая рычание, когда она протягивает руку, чтобы проверить её пульс.

– Нет, видимых травм нет, – говорит Эхо, и я вздрагиваю.

Они что, думают, я?.. Нет. Всё было не так.

Я глажу волосы Виолетты, замечая Фенриса за спиной Эхо. Он распластался на земле, не сводя глаз с Виолетты.

С ней всё будет в порядке?

Моё сердце сжимается от этого вопроса. Я только что принял эту крошечную, хрупкую человеческую женщину как свою. А теперь...

Это лишь доказывает, что люди никогда не смогут быть парой для волка.

«Нет, – шепчет Фенрис. – Наша связь никогда бы не причинила ей вреда».

И всё же причинила.

Эхо садится рядом со мной и гладит Виолетту по спине. Её телефон лежит на диване в другом конце комнаты; должно быть, она закончила разговор.

Она не паникует. Злитесь – да. Едкий запах ярости исходит от неё. Но она не боится.

– С ней всё будет в порядке, – уверенно говорит Эхо. – Хотя, вероятно, ей понадобятся капельницы, чтобы стабилизировать состояние.

Я щурюсь. Она что-то знает. – Что с ней?

Разноцветные волосы Эхо падают вперёд, когда она наклоняется к Виолетте, и я сдерживаю рычание, рвущееся из моей груди. – Её энергия... истощена. Опасно истощена.

– Что это значит? – требую я.

– Это значит, что ты взял слишком много. – Она бросает на меня ядовитый взгляд. – Ты не сдерживался. Просто взял всё, что она могла дать, ты, безмозглый мешок с мышцами.

– Я не...

– Взял, – обрывает она. Затем делает паузу. – Может, и не намеренно. Но ты это сделал. Она кладёт руку на лоб Виолетты, затем на сердце. Прикосновение, хоть и явно медицинское, заставляет Фенриса зарычать. Я проглатываю звук, прежде чем он успевает вырваться наружу.

– Почему ты меня не предупредила? – срываюсь я. Лучше злиться на кого-то. С гневом справляться легче.

Эхо смеётся – резким, безрадостным смехом. – О, прости. Я должна была провести для ужасного Короля Ликанов лекцию по половому воспитанию, прежде чем он трахнул её до беспомысленности? Моя вина.

Мой гнев вспыхивает, горячий и опасный. – Ты оставила нас одних, но знала, что это может случиться, не так ли?

Эхо встречает мою ярость ровным, немигающим взглядом. Эти кошачьи, суженные в щёлочки глаза не дрогнули, не отпрянули. Что-то в её взгляде – полное отсутствие страха – заставляет мой гнев съёжиться, словно пламя, залитое ледяной водой.

И вовсе не потому, что она отступила.

А от вины, которую её взгляд возлагает на мои плечи. Вины, возложенной по праву.

Это я виноват, так или иначе.

– Никогда бы не подумала, что большой, злой Король Ликанов окажется настолько, блядь, бесполезным, что осушит собственную пару, – говорит она низким, размеренным голосом. – Полагаю, это моя ошибка – ожидать элементарной сообразительности.

60 Глава 60

Ашер

– Положи Виолетту, – говорит Эхо.

– Нет.

Нет, – вторит Фенрис.

Мои руки крепче сжимаются вокруг её обмякшего тела, прижимая её к груди. Я отказываюсь её отпускать. Мои губы прижимаются к её виску, ощущая прохладу её кожи. Дыхание поверхностное. Пульс слабый.

Мысль о том, чтобы отпустить её – даже на мгновение – пронзает меня, словно серебро.

– По-ло-жи. Её, – приказывает Эхо, будто командовать Королём Ликанов для неё – обычное дело. – Твои эмоции сейчас полностью её поглотили. Ей ни к чему, чтобы твоя паника просачивалась в те крохи энергии, что у неё остались.

– Нет.

Щелевидные глаза Эхо сужаются ещё больше. – Ты хочешь её убить?

Конечно нет. Она – вторая половина моей души. Предначертанная судьбой связь, которую я отрицал, теперь ярко пылает в моей груди, сотрясаемая мыслью о её потере.

Потерять пару тяжело, но мысль о потере Виолетты... невозможна. Смерть была бы предпочтительнее.

Эхо вздыхает и, топая, выходит из комнаты, так что дом на колёсах содрогается от каждого её шага. Вскоре она возвращается с мягкой белой футболкой. – Вот. Можешь надеть это на неё.

Разорванная рубашка Виолетты всё ещё лежит на полу, и стыд захлёстывает меня при виде этого доказательства моей потери контроля. Всё, что произошло между нами, было идеальным, запредельным – пока всё не испортилось.

Жалкий дурак. Мне следовало сдержаться. Было очевидно, что человек не сможет выдержать то, что есть между нами.

Она справится, – настаивает Фенрис. – Что-то не так. Дело не в нашей связи. Богиня бы этого не допустила.

С величайшей неохотой я опускаю Виолетту обратно на кровать. Эхо не теряет времени, протискиваясь рядом со мной, чтобы натянуть футболку через голову Виолетты. Та похожа на тряпичную куклу, без малейшего намёка на сопротивление.

Даже запах черники стал едва уловимым, его трудно выделить в смеси других ароматов.

– Мне нужно остаться с ней. – Мои руки беспомощно висят над неподвижным телом Виолетты. – Я должен это исправить.

– С ней всё будет в порядке. Больше всего ей нужен отдых. А вот ты... – Эхо хмурится и шлёпает по моим рукам, отгоняя их. – У тебя есть другое дело. Иди оденься.

Мне хочется рывкнуть на эту странную, загадочную женщину, но Виолетта относится к ней с большой нежностью. Если я причиню ей боль...

От мысли, что прекрасные, травянисто-зелёные глаза Виолетты будут смотреть на меня с обвинением, у меня сжимается желудок. Кажется, сегодня я обрёл много новых страхов.

Решив проявить великодушие, я игнорирую дерзость Эхо, хватаю с пола свою рубашку и натягиваю её. Ткань кажется тесной, неприятной для кожи.

Странная пустота гложет меня – нечто большее, чем парализующий страх потерять Виолетту. Моё тело ощущается по-другому. Легче. Словно то, что годами таилось во мне, ослабило хватку.

Даже присутствие Фенриса ощущается... яснее, что ли.

– Я объясню, что с ней происходит, когда будет время, – говорит Эхо, даже не взглянув в мою сторону. – Но сейчас есть кое-что поважнее, с чем тебе нужно разобраться.

– Нет ничего важнее неё. – Слова вырываются из моего горла диким рычанием.

Эхо не вздрагивает. Не моргает. Просто смотрит на меня своими сверхъестественными глазами. Затем со вздохом качает головой.

– Выйди на улицу и разберись с теми, кого ты привёл сюда своей бессмысленной демонстрацией доминирования. – Её голос срывается на шипение. – Или они вышибут мне дверь, а я обещаю, этого ты не захочешь.

– О чём ты говоришь?

– Твоя истерика привлекла зрителей. Твой бета сейчас с ними разбирается, но разобраться должен ты.

Ах.

Я чувствую это – давление незнакомой волчьей энергии на периферии моего сознания. Стая. Хозяева территории. Присутствие, которое я бы заметил сразу, если бы не был так сосредоточен на Виолетте.

Я рычу сквозь стиснутые зубы.

– Вот именно. – Эхо кладёт руку на лоб Виолетты. – Скорая скоро приедет, так что разберись с ними, пока они не распугали парамедиков. Виолетта на мне. А ты иди и будь королём.

Ещё один взгляд на Виолетту: я запоминаю изгиб её щеки, россыпь бледных веснушек на носу, медленный взлёт и падение её груди.

– Я скоро вернусь, – шепчу я ей. – Обещаю.

Эхо вздыхает. – Просто иди.

Снаружи у подножия ступенек дома на колёсах стоит Волчий Глаз, его широкая спина – барьер между тем, что принадлежит мне, и полукругом волков – их восемь, разных рангов в стае, и все они щетинятся сдержанной агрессией.

Их альфы здесь нет, но один из них, возможно, их бета.

– Сэр, – говорит Волчий Глаз, и в его голосе слышно облегчение. – Стая Скрипичная Спинка была обеспокоена нашим... присутствием.

Я должен быть в ярости. Должен желать разорвать на куски этих низших волков за то, что они посмели явиться, когда моя пара без сознания. Даже Фенрис должен царапаться изнутри, пытаясь вырваться, требуя крови за это вторжение.

Но Фенрис мысленно остаётся рядом с Виолеттой, молчит в моей голове, предоставляя это мне.

А я чувствую себя... сдержанным. Странная ясность течёт по моим венам там, где должна быть расплавленная ярость. Я всё ещё могу достучаться до своего гнева – он здесь, кипит под кожей, – но он больше не угрожает поглотить меня целиком. Ощущение настолько чуждое, что я едва не спотыкаюсь.

Волчий Глаз хмуро изучает моё лицо.

Я коротко киваю Волчьему Глазу и, обойдя его, поворачиваюсь лицом к этим незванным гостям. Мои плечи расправляются, ноги встают шире – поза короля, который отказывается признавать любой вызов законным.

В тот момент, когда они улавливают мой запах и лёгкую волну доминирования в воздухе, их лица бледнеют. Присутствия Волчьего Глаза должно было хватить, но не все волки достаточно умны, чтобы распознать Ликана. Особенно слабые.

– Где ваш альфа? – Мой вопрос раскалывает воздух.

Волки неловко переминаются с ноги на ногу, переглядываясь. Эта стая была явно не готова к прямой конфронтации с Королём Ликанов. Их дискомфорт пропитывает воздух, напускная бравада тех, кто вляпался во что-то, что им не по зубам.

Из их рядов выходит волчица. Лет тридцати пяти, крепкого телосложения, с резкими чертами лица и расчётливыми глазами. Не их альфа, но кто-то, облечённый властью.

– Верховный Альфа. – Она не сводит взгляда с моего воротника, избегая прямого зрительного контакта. Умно. – Я Виктория, из стаи Скрипичная Спинка.

Я склоняю голову. – Почему вы здесь?

Виктория расправляет плечи, её лицо мрачнеет. – Пока мы не почувствовали всплеск альфа-доминирования, не похожий ни на что, с чем мы сталкивались раньше. На человеческой территории. Наши протоколы требуют расследования необычной активности оборотней, особенно в такой близости к людским поселениям.

Мои челюсти сжимаются. – Вы не признаёте власть Трона Ликанов?

– Признаём, – поспешно заверяет она. – Мы признаём вашу власть, Верховный Альфа. Мы просто... не знали о вашем присутствии до этого момента. Прошу прощения, что прервала... – Её взгляд метнулся к дому на колёсах. – Ваше... удовольствие.

Я чувствую за спиной веселье Волчьего Глаза, хотя лицо у него, скорее всего, непроницаемо. Это шестое чувство, рождённое годами дружбы.

– Присутствия моего беты вам было недостаточно?

– Мои извинения, Верховный Альфа. Мы впервые сталкиваемся с Ликанами на нашей территории.

Я морщусь. Довод разумный; стаи, подобные Скрипичной Спинке, невелики и базируются в сельской местности. – Теперь знаете. А теперь уходите. Мои дела здесь – это мои дела.

Виктория мгновение смотрит на меня, затем прочищает горло. – Мы не хотим вас обидеть, Верховный Альфа. Для стаи Скрипичная Спинка будет честью оказать вам гостеприимство на время вашего пребывания на нашей территории. – Она выпрямляется, и её лицо превращается в почтительную маску. – В нашем комплексе есть подходящее жильё для вас и вашей свиты.

Тяжёлая рука опускается мне на плечо. Мне не нужно смотреть; я и так знаю, что Волчий Глаз ухмыляется, как дурак. Он обожает всё бесплатное; называет это профессиональной деформацией после стольких лет помощи с финансами нашей стаи.

– Мы воспользуемся вашим щедрым предложением, – говорит он, и его голос полон обаяния.

В моей груди нарастает рычание. Я не оставлю Виолетту.

«Нам всё равно нужно где-то остановиться», – передаёт мне Волчий Глаз по связи стаи. Его мысленный голос прагматичен. «И это значит, что мы сможем держать Эвана подальше от неё».

Мои плечи расслабляются. Да, расстояние между ними было бы идеальным вариантом.

Мой взгляд скользит дальше, за пределы места столкновения. Эван стоит у моей машины, скрестив руки на груди, и с подозрением разглядывает волков. Рядом с ним топчется Джаспер, нервно теребя свои очки в медной оправе. За ними лежит груда наших вещей – сложенная палатка, спальные мешки, какие-то сумки с неизвестными припасами. Всё уже упаковано и готово к переезду.

Сколько же я пробыл в этом доме на колёсах с Виолеттой? Достаточно долго, чтобы они успели свернуть весь наш лагерь.

– Волчий Глаз, отведи Эвана и Джаспера в комплекс. Я останусь здесь.

61 Глава 61

Мое тело будто использовали как манекен для краш-тестов. Голоса просачиваются сквозь вату в ушах, поначалу приглушенные и далекие, но постепенно заостряясь до знакомых интонаций. Злых интонаций.

– Категорически нет. Всегда держитесь от нее в десяти футах, – Эхо.

Безошибочно знакомое рычание. – Ты здесь не главная.

– Нет, зато они – главные, а ты высасываешь ее досуха каждый раз, когда соприкасаешься с ней. И свою чертову шавку от нее тоже убери.

Рык. Точно Фенрис.

– Перестань так на меня смотреть. Ты – невоспитанная шавка.

Сознание витает где-то рядом, но ускользает, и, честно говоря, вернуться в небытие кажется самым разумным решением. Ничего хорошего не ждет в комнате, где сцепились Эхо и Король Ликанов. Жажда смерти. Для одного.

– Ее энергия наконец-то стабилизируется, а вы двое хотите тут же влезть и забрать то, что она накопила...

– Если прикосновения причиняют боль, почему ты позволяешь им прикасаться к ней?

– Они не питаются от нее, будто она – шведский стол с безлимитным подходом.

Ох. Звучит... не очень.

Прохладное прикосновение скользит по внутренней стороне моей руки, за которым следует резкий укол. Что-то тянет кожу, и это ощущение вытаскивает меня ближе к полному сознанию. Это не прикосновение Эхо, а кого-то другого. Холодное и странное на ощупь.

– Давление девяносто на шестьдесят. Пульс стабильный, шестьдесят четыре, – незнакомый голос, отрывистый и профессиональный. – Так, капельница поставлена.

– Хорошо. Вводим физраствор, – еще один незнакомец.

Похоже, я в больнице.

– Готовимся ее перемещать.

– Вы ее не заберете, – рывкает Ашер.

Ладно, может, и не больница. Ох. Они, наверное, вызвали скорую. Теперь понятно.

– Смогут, если понадобится, – спорит Эхо.

Фенрис скулит.

Мои ресницы дрогнули.

– Она пошевелилась, – тут же говорит Ашер, в его голосе вибрирует напряжение. – Виолетта?

Притворись мертвой, говорю я себе. Еще пять минут без сознания, прежде чем столкнуться с катастрофой, которая меня ждет.

Но свет за веками пробивается красным сквозь тонкую кожу, кто-то снова возится с моей рукой, и все кажется неправильным, странным и холодным, и прятаться больше не вариант.

Я со стоном разлепляю глаза. Потолочный свет вонзается прямо в мозг.

– Слишком ярко, – хриплю я голосом, похожим на наждачную бумагу.

– Она очнулась, – снова Ашер, теперь ближе. Я, может, и не вижу его, но чувствую, как он нависает надо мной.

Он вообще из тех, кто любит нависать.

Слово «нависать» начинает звучать странно после второго повторения. А после третьего – и того хуже.

– Я выключу свет, – предлагает Эхо, ее голос звучит дальше, чем голос Ашера.

Чья-то рука хватается мою, и я смутно ощущаю какое-то внутреннее движение, как только происходит контакт. Странно, словно... словно кто-то открыл кран, и что-то внутри меня хлынуло наружу, прямо к точке соприкосновения кожи...

Что-то пищит. Очень настойчиво.

– Перестань ее трогать, идиот!

– Я просто пытался...

– Сэр, вам нужно отойти.

Рычание.

Мое желание сбывается, и я снова проваливаюсь в беспамятство.

*

На этот раз, когда сознание возвращается, вокруг тихо.

Я робко открываю глаза, тихо вздыхая с облегчением, когда на этот раз свет не вонзается мне в глазные яблоки. Слабое янтарное сияние освещает плиточный потолок надо мной.

Теперь я точно в больнице.

Какой-то шорох привлекает мое внимание. Я поворачиваю голову, и левая сторона шеи протестует, затекшая оттого, как долго я здесь лежу на шуршащей пластиковой подушке.

Эхо стоит рядом со мной, ее радужные волосы взъерошены и растрепаны. Ее глаза с кошачьими зрачками выглядят измученными, под ними темные круги. Она склоняет голову набок, молча изучая меня.

– Привет, – хриплю я. Голос такой, будто я полоскала горло гравием. Как долго я была в отключке?

– Привет, солнышко, – в голосе Эхо звучат привычные музыкальные нотки. – Как ты себя чувствуешь?

Я пытаюсь сглотнуть, но горло будто набито осколками стекла. Я кашляю и пробую снова, морщась от боли. – Будто меня прокрутили в стиральной машине и повесили сушиться.

Уголок рта Эхо дергается в улыбке. – Что ж, тогда ты по крайней мере чистая. – Она тянется за чем-то, что я не вижу, и возвращается с бумажным стаканчиком. – Воды?

Я киваю и пытаюсь приподняться. Руки дрожат от усилия, до стыдного слабые.

– Осторожно, – Эхо подкладывает руку мне под плечи, поддерживая меня с удивительной силой. Ее прикосновение прохладно для моей кожи, которая кажется горячечной и сверхчувствительной. – Маленькими глотками. Тебя знатно потрепало.

Вода скользит по горлу, словно спасение. Я и не осознавала, как сильно пересохла, пока первая капля не коснулась моего языка.

– Где... – начинаю я, но Эхо обрывает меня, приложив палец к губам.

– Его вышвырнули. Ему нельзя приближаться к зданию ближе чем на сто футов, так что он через дорогу, наверное, сверлит взглядом твое окно.

Я моргаю.

Она пожимает плечами. – Он заслужил.

Я ей верю, но...

Мой взгляд скользит по комнате. Это не обычная больничная палата – никаких стерильно-белых стен или пластиковых стульев. Вместо этого пространство теплое, с отделкой из натурального дерева и чем-то похожим на ткань ручной работы, покрывающую стены. Гирлянда из маленьких огоньков создает то мягкое сияние, что я заметила раньше.

– Где я?

– Это больница. Ты в особом отделении наверху, – губы Эхо кривятся в усмешке. – Для VIP-сверхов.

Я снова моргаю. – Я человек.

– Да, но он – нет.

Я медленно склоняю голову. Даже от этого движения у меня немного кружится голова. – Какое отношение Ашер имеет к тому, в какой я палате?

– Ну... – Эхо почесывает щеку. – Знаешь что? Пожалуй, я позволю ему самому ответить на этот вопрос.

Я шурю, услышав уклончивый ответ Эхо. – Нельзя просто так это заявить и смыться. Какое отношение Ашер имеет к этому?

Эхо пожимает плечами, движение почти слишком небрежное. – Скажем так, твой парень тут своим влиянием попользовался.

– Он не мой... – Отрицание застревает у меня в горле. Эм. А может, и мой. Если только он не делает подобные вещи со всеми женщинами направо и налево... Делает? Дерьмо. Не то чтобы мы это обсуждали, прежде чем он сорвал с меня рубашку.

Я рефлекторно смотрю вниз, но нет, я не голая. На мне больничная рубашка.

– Ты помнишь, что случилось прямо перед тем, как ты отключилась?

Жар так быстро заливает мое лицо, что я думаю, не отключусь ли я снова. В голове вспыхивают обрывки воспоминаний: сильные руки, сжимающие мои бедра, жар его дыхания на моей шее, неослабевающее давление его пальцев внутри меня, то, как его голос рокотал у моего уха, когда он...

Ноздри Эхо раздуваются, и она машет рукой в воздухе. – Возьми себя в руки, Виолетта. Ты так фонишь, что я практически это чувствую.

Я натягиваю тонкое больничное одеяло до самого подбородка, словно оно может скрыть мои мысли. – Это не... я не... – Но отрицать бессмысленно. Мое тело предает меня багровым румянцем, который, несомненно, расплзается от линии роста волос до кончиков пальцев ног.

– Значит, было хорошо, да? – В выражении лица Эхо проскальзывает озорство.

– Заткнись, – я прячу лицо в ладонях, от унижения у меня кружится голова. – Не могу поверить, что я... с ним... а потом просто... отключилась.

– «Отключилась» – это мягко сказано, – Эхо примостилась на край моей кровати. – Твоей энергии практически не было. Я видела призраков, в которых и то больше жизненной силы.

Она говорит об этом так небрежно, будто и впрямь видела призраков. Эхо не из тех, кто блефует, но... – погоди, ты что, правда видела призраков?

– А что? Ты в них веришь?

– В призраков? Нет, конечно нет.

Смех Эхо разносится по комнате, легкий и музыкальный, но с какой-то остринкой. Волоски у меня на руках встают дыбом.

– О, Виолетта. Тебе стоит немного расширить свое мировоззрение. В мире есть не только люди и оборотни. – Она неопределенно указывает на пространство вокруг нас, словно в углах больничной палаты притаились невидимые существа.

– Я знаю, – неловко говорю я, теребя край одеяла. – Все знают, что существуют и другие сверхъестественные существа. Ведьмы. Вампиры. Но я никого из них не встречала.

Эхо усмехается. – Правда? Ну, думаю, это разговор для другого раза. – Она наклоняется вперед, ее нечеловеческие глаза изучают меня. – Ты помнишь, как стабилизировала Ашера?

Я тут же качаю головой, хмурясь от незнакомого термина. – Стабилизировала? Что ты имеешь в виду?

Эхо снова почесывает щеку, колеблясь долю секунды, прежде чем на ее лице появляется откровенное любопытство. – Ну, вы же трахнулись, так?

Из моего горла вырывается кашель, и я закрываю пылающее лицо обеими руками. – Мы не... – Мой голос срывается на шепот. – Мы не дошли до конца.

– Достаточно близко, – Эхо пренебрежительно машет рукой. – Чем интимнее контакт, тем сильнее происходит перенос.

Мои руки падают на колени. – О чем ты говоришь? – Вопрос звучит слабо и жалко. Я отчаянно стараюсь не думать о том, что произошло в доме на колесах после того, как Эхо оставила нас одних: о грубых от нужды руках Ашера, о том, как мое тело изгибалось навстречу его телу, о том, как он рычал мне на ухо, о шокирующей силе разрядки, которая обрушилась на меня...

Да уж, не думать об этом у меня отлично получается.

Мое лицо вспыхивает еще сильнее.

– Энергетический перенос, – голос Эхо выводит меня из задумчивости. – Слушай, мне не нужны подробности того, что вы делали. Я просто пытаюсь объяснить, что произошло, когда вы это делали.

Мои пальцы сжимают тонкое больничное одеяло. Униженная часть меня хочет полностью свернуть этот разговор, но, очевидно, это не вариант. – Я понимаю, но я не улавливаю, о чем ты говоришь.

Эхо хмурится. – Тебе кто-нибудь когда-нибудь объяснял, что происходит при связи пары?

62 Глава 62

– Ох... он не... я не... – моя рука неловко взлетает к шее. – Мы не пара или что-то в этом роде.

Она потирает лоб. – Я не об этом спрашивала. Ты знаешь, что происходит с двумя оборотнями, когда они завершают связь пары? Метки-шрамы – это лишь физическое проявление. Настоящее единение происходит на энергетическом уровне. Когда оборотень заявляет права на свою пару, происходит обмен энергией. Обычно он сбалансирован. Отдаешь и принимаешь.

В животе всё похолодело. – Ладно...

– Это не так уж и много, и существуют разные уровни чувствительности к связи. Некоторые пары, например, могут чувствовать эмоции друг друга. Почти всегда между парами есть ментальная связь. И они могут в небольшой степени разделять боль и исцеление друг друга.

Я киваю.

– А есть ещё и ты.

Теперь она уже просто нагоняет жути. – Я слушаю.

Выражение лица Эхо смягчается чем-то, похожим на жалость. – Ашер... взял. Много. Хотя не думаю, что он сделал это намеренно. Справедливости ради, ты и сама по себе... тот ещё особый случай.

Я щурюсь, глядя на неё. – Эм... Эхо? Не хочу повторяться, но Ашер не пытался поставить на мне метку.

Она со стоном проводит руками по волосам. – Виолетта, тебе нужно поработать над своим неприятием отношений. Я знаю, что он не пытался поставить метку, но ты что, серьезно хочешь сказать, что до сих пор не поняла, что вы двое – предназначенная судьбой пара?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.